

ЮРИЙ КОГИНОВ

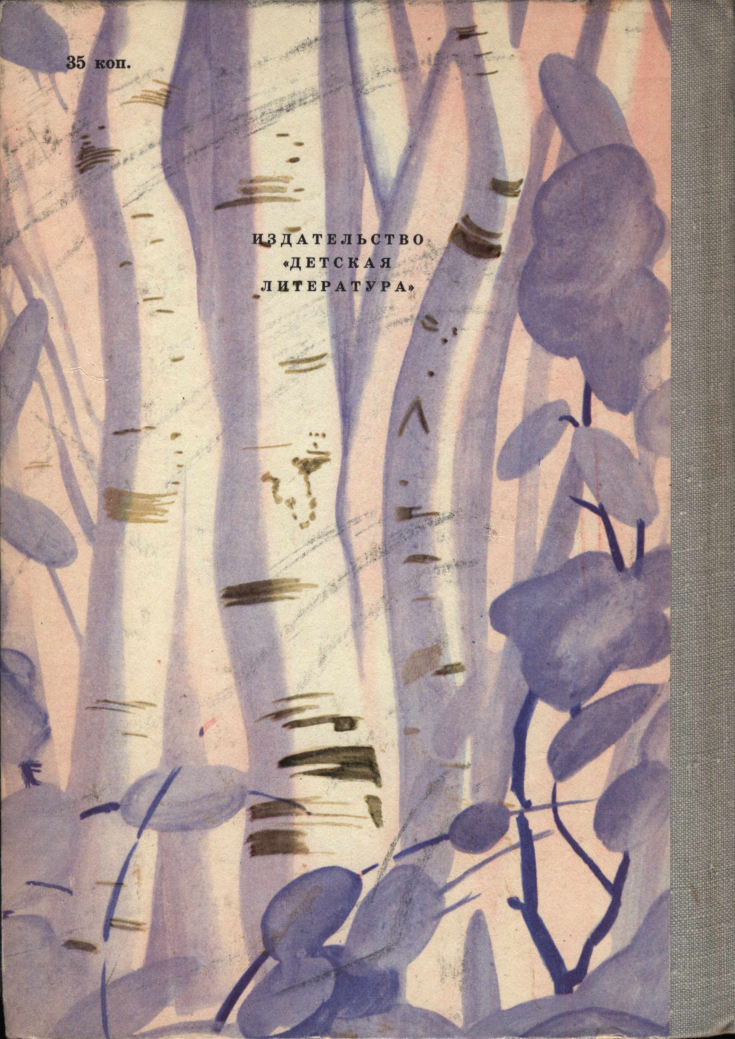
БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА

Д

35 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

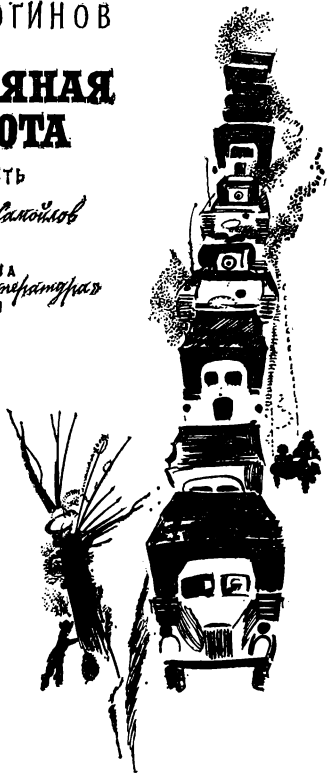
ЮРИЙ КОТИНОВ

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА

ПОВЕСТЬ

Художник В. Саломов

МОСКВА
«Детская литература»
1981

В основе повести
«Берестяная грамота» — события,
которые произошли в годы
Великой Отечественной войны
в городе Дятькове, Брянской области,
находившемся в тылу врага.
Населённые пункты,
где хозяевами были
не фашистские захватчики,
а наши отважные партизаны,
находились не только на Брянщине.
Целые районы, над которыми
в годы оккупации
реяли красные флаги,
существовали в Белоруссии, на Украине,
в Псковской, Новгородской, Смоленской
и других областях.
Поэтому в книге изменены
название города и фамилии героев.
Героям партизанских городов и сёл —
взрослым и юным —
посвящает свою повесть автор,
сам бывший партизан.

Художник *В. Самойлов*

К 70802—267
М101(03)81 188—81

«Пионер», 1975 № 2, № 3, № 4.
© Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.
Иллюстрации. Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1981 г.

Часть первая

НЕЗВАННЫЕ КВАРТИРАНТЫ

Беды, говорят, в одиночку не ходят.

Ни свет ни заря заявился Фролов, главный городской полицейский, и приказал Кольке завтра прийти в управу. Но только захлопнул калитку полицей — новая напасть. На пороге вырос сам староста Готман и с ним двое фашистских солдат.

— Гутен таг! Добрый день семейству Матрённых! — Иван Фридрихович стянул с головы лохматую пыжиковую шапку, расстегнул драповое пальто с воротником шалью и, достав из бокового кармана вчетверо сложенный голубой батистовый платок, аккуратно протёр пенсне. — Не скучно вам тут вдвоём? Так вот для компании я вам постояльцев привёл. В некоторые дома мы троих и четверых вселяем. А по вашим хоромам...

Иван Фридрихович описал рукой плавный круг, словно хотел показать, что в доме Матрённых можно свободно разместить целый взвод. Солдаты расценили его жест как приглашение располагаться и тут же в большой проходной комнате сбросили ранцы, поставили в угол винтовки.

— Сюда, сюда... Здесь будет удобнее, — показала на Колину комнату Елена Викторовна и повернулась к Ивану Фридриховичу, чтобы он перевёл её слова немцам.

Пришельцам комната понравилась. Просторная, с кроватью и диваном, она двумя большими окнами выходила в сад, где теперь, зимой, стояла удивительная тишина.

— Гут! — удовлетворённо произнёс плотный, краснолицый, уже немолодой солдат. А второй, в железных круглых очках, совсем юный, на вид лет на пять постарше Коли, бухнулся на диван, с удовольствием несколько раз подпрыгнул на пружинах.

— Ну вот, Елена Викторовна, и лады. — Иван Фридрихович расправил пышные седые усы, застегнул пальто на все пуговицы и откланялся.

Елена Викторовна вышла на кухню. Коля присел к столу, где лежала раскрытая книжка есенинских стихов.

Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц, всадник унылый,
Уронил повод...

Сколько раз вчитывался Коля в эти строчки и никак не мог понять удивительную тайну их простоты и естественности. «Рябина покраснела, вода стала синей» — ведь это самые обычные слова!

И дальше, вроде бы, слова самые обыкновенные.

Только неожиданная, прямо-таки ошарашивающая метафора: месяц-всадник уронил повод.

«А я ведь тоже видел такое!» — вспомнил Коля. И он представил себе: осеннее стылое поле, загустевшая от холода вода в реке, рябина, уже тронутая морозом... А на небе, как всегда бывает поздней осенью, серпик месяца стоит не прямо, а с наклоном. Будто и впрямь загрустил всадник в седле, склонился низко-низко, и выскользнул из его рук повод.

Коля очень любил вот так разбирать стихи, выписывал особенно понравившиеся строчки на синей плотной бумаге, покрывавшей его письменный стол.

Он уже исписал несколько таких листов, свернул и спрятал за шкаф: надеялся когда-нибудь на досуге достать и перечитать.

Есенин! Коля ещё раз пробежал глазами любимые строчки. И вдруг:

— Коммунист? Большевик? — бесцеремонно выхватил из Колиных рук книгу очкастый солдат. У Коли жарко полыхнуло лицо.

«Балбес! Русского языка не знает, а лезет: «Коммунист, большевик»!»

Коля сжал кулаки, насупился, но пересилил свой гнев. Он взял у солдата книгу и показал на ровные столбики стихов.

Вспомнив, что по-немецки «поэт» будет «дихтер», он объяснил, кто был автор книги и что писал он о природе, «ди натур».

— О, я, я! — Очкарик широко расставил ноги и, тыча себя в грудь, сказал, что зовут его Курт, что он студент, сам пишет стихотворения.

Он стал отрывисто выговаривать что-то — видимо, свои стихи.

Коля не понял ни единого слова.

Солдат внезапно оборвал себя и решительно двинулся в кухню.

— Матка, вассер! — визгливо приказал он.

Елена Викторовна взяла со скамейки два пустых ведра и протянула их Коле.

— Сынок, принеси воды, а я приготовлю таз. Видно, мыться хотят.

В сенях она нагнала Колю и прижала к себе:

— Сыночек, не знаю, как тебе и сказать, но дело очень серьёзное... Ты знаешь Максима Степановича Калачёва. Помнишь, недавно заходил к нам? Сегодня я тоже его ждала. А у нас... сам видишь... Словом, найди Сергея Вавилова и вместе с ним — на Буяновку. Там, в третьем доме от берега Лавровки, встретите Калачёва. Надо его предупредить...

ПОКА ПРИКАЗАНО ЖДАТЬ

Найти Серёгу оказалось делом несложным. Вместе с другими ребятами он шнырял от одного фашистского грузовика к другому. Машины длинной вереницей выстроились на улице Ленина.

Колька удивился: так много фашистов ещё не останавливалось в их городе. Что же стряслось? Почему вдруг гитлеровские солдаты, словно тараканы из всех щелей, сползли в этот маленький лесной городок?..

В начале октября сорок первого года, после того как гитлеровцы заняли Брянск, многим в Дедкове, тихом деревянном городке, казалось, что война обошла их стороной.

В самом деле: в конце лета фронт гремел на

западе, в лесах за рекой Десной ночами стояло тревожное зарево, и вдруг фашисты прорвались с востока, с тыла, со стороны Брянска. Дедково, все посёлки и деревушки вокруг оказались в «мешке».

Дней десять подряд только и было слышно, как за лесом, по дороге на Людиново, урча, шли немецкие танки. В городе стали поговаривать, что гитлеровцы хотят пробиться на Варшавское шоссе через Людиново, а оттуда — к самой Москве. И, дескать, Дедково, затерянное в лесной глуши, их совершенно не интересует.

Но потом неожиданно появились и в Дедкове танки с чёрными крестами, и Серёга с Колькой увидели первого фашиста. В кургузой шинели лягушиного цвета, в чёрной каске, он соскочил с брони танка, который развернулся на Воронежской улице, и, держа наготове автомат, остановил ребят, собиравшихся юркнуть за забор. «Зольдатен?» — крикнул фашист и сбил с рослого не по годам Серёги шапку.

Колька уже слышал о том, что фашисты срывали с молодых мужчин головные уборы, и горе было тем, кто острижен коротко, по-армейски. В первый же день фашисты повесили троих красноармейцев. Выдал их дедковский староста Благодухов.

А затем, тоже по доносу старосты, расстреляли всю семью бухгалтера Мухина. Не пощадили ни взрослых, ни троих ребятишек. И только за то, что Мухин спрятал у себя Красное знамя, которым был награждён стекольный завод.

Что тогда началось! Фашисты стали обыскивать каждый дом, хватали тёплые вещи, продук-

ты, перестреляли всех кур и поросят, свели со дворов скот... Дедково оцепенело от страха, даже ребятишки носа не высовывали из дому.

Но когда вражеский отряд ушёл, оставив гарнизон человек в пятнадцать, фашисты крепко получили за своё зверство.

Однажды утром промчались по городу три мотоциклиста. Остановились у здания заводоуправления, где разместились фашисты, и в окна — гранаты! Тогда-то и схватили партизаны старосту-живодёра Благодухова и повесили в лесу.

В одном из мотоциклистов Серёга — он не утерпел, выскочил на улицу — узнал Василия Самсоновича Ревка, секретаря Дедковского райкома комсомола. В городе говорили, что Ревко командует целым батальоном. Люди знали, что в партизаны ушли почти все рабочие стекольного завода, не успевшие эвакуироваться, медперсонал больницы. Главным командиром у них был Максим Степанович Калачёв, секретарь райкома партии.

Калачёв дважды приходил в город. Глухой ночью постучал он в окошко к Матрёниным и долго говорил о чём-то с Еленой Викторовной.

Колькин отец — директор школы Анатолий Игнатьевич Матрёнин — с самого начала войны ушёл на фронт. Были они с Калачёвым друзья. И потому, наверно, не опасаясь, заглянул к ним теперь Максим Степанович. Но откуда он приходил в город, Елена Викторовна объяснила Коле туманно: «Кто же знает, сынок, где они скрываются? Максим Степанович ко мне по делу заходил, спрашивал, нет ли весточки от отца».

Объяснение это не очень удовлетворило Коль-

ку, тем более что после второго прихода Калачёва такое произошло!

Седьмого ноября Елена Викторовна была какой-то странной: то весело шутила, то нервничала, волновалась. Несколько раз подходила к репродуктору, проверяла настройку.

Колька тоже заволновался: не заболела ли мама? И вдруг из чёрной тарелки раздался знакомый голос: «Говорит Москва...» И Колька услышал, что сегодня в Москве был военный парад, несмотря на то, что фашисты несколько дней назад хвастались: «Москва — капут». Вот это была новость так новость!

Но кто же сделал так, чтобы во всех домах говорило радио? Не Калачёв ли? И куда уходила мама накануне Октябрьских праздников несколько дней подряд?

Но мама тогда ничего не сказала Коле. Только теперь доверилась сыну...

Колька отыскал в толпе Сергея, тихо позвал: — Серый! Пойди сюда, дело есть.

Ого, как встрепелся Серёга, когда услышит, зачем понадобился Матрёнину и его матери!

Но Серёга нарочито не торопился. Такие уж сложились у них отношения. Серёга — высокий, крутоплечий — по всему виду вожак. А Колька, хотя и близкий друг, всегда как бы на подхвате.

Вот если б не Колька Серёгу, а Серёга позвал бы Кольку, тогда шевелись, Матрёнин!

Вавилов выслушал Кольку спокойно. Только зубы сжал да глаза чуть прищурил.

— Всё понятно, Колян. Рви за мной! — сказал и повёл за собой.

Максима Степановича Серёга узнал не сразу.

Борода лопатой, латаный чёрный полушубок, серые валенки, обшитые кожей. И только когда все трое вошли в дом и бородач снял шапку и открыл высокий, прочерченный гармошкой морщин лоб, он стал прежним дядей Максимом.

— Спасибо, что предупредили, — тихо сказал он. — Спасибо!

— Возьмите нас с собой! — выдохнул Серёга.

Калачёв прищурился и неожиданно спросил:

— Сколько солдат прибыло в город?

Серёга растерянно глянул на Кольку, пожал плечами:

— Много.

— А машин сколько? — Калачёв улыбнулся. — Нет, не возьму! Не годишься ты в разведчики, парень.

— Восемнадцать грузовиков на Ленинской улице! — отчеканил Коля.

— Считал?

— Ага... Загадал, когда к вам шёл. Если чётное число, значит, встретим вас. Я вообще... Я часто загадываю — то колья в палисаднике, то трубы на крышах считаю: чёт-нечёт...

Коля опустил пушистые ресницы, щёки от волнения горели.

«С виду впрямь красна девица, — подумал Калачёв. — Как его ребята дразнят? Крашенные Губы? Точно, будто вишни только что ел».

Калачёв встал.

— Не обижайтесь. Взять вас с собой не могу. На то есть причины. Но обещаю, что дело вам подыщем.

Серёга ещё не оправился от конфуза, пробурчал:

— Паразит староста уже постарался: завтра вызывают в управу. Наверняка на какую-нибудь работу пошлют.

— А ты что? Работы боишься, такой богатырь? — спросил Калачёв и добавил: — Знайте: в городе честных людей больше, чем вам кажется. Понадобитесь, они вас сами найдут.

ИВАН, ДА НЕ ТОТ

Предположение Серёги оправдалось. Тех, кто постарше, вместе со взрослыми мужчинами отправили на заготовку дров. Женщин и старух — в цехи — разбирать завалы. Серёга и Колька оказались в особой группе, которую староста назвал по-немецки «зондер-командой». Назвал, конечно, для издёвки, потому что обидней дела и сыскать трудно — убирать помещение управы и фашистской комендатуры.

Мишка Капусткин, четверокласска, узнав, что станет уборщицей, запротестовал:

— Права не имеете! Мне ещё и двенадцати не исполнилось!

Разговор шёл возле подъезда райсовета, где теперь была резиденция старосты. Готман поскрипел валенками по снегу, хмыкнул:

— Разве в школе вас такой дисциплине учили?

— Учили! — нахохлился Мишка. — И в книгах про это читали, и в кино показывали: если враг — значит, не помогать...

«Пропал Капустка!» Серёга чуть не ахнул и тут же, чтобы отвлечь Готмана, спросил:

— Господин староста, а за работу нам что-нибудь будет причитаться?

— Каждые десять дней буханка хлеба.

— Тогда мы согласны, — сказал Серёга за себя, Кольку и Мишку Капусткина.

Едва отошли от управы, Капустка такую оплеуху от Серёги съел, что пришлось его Кольке из сугроба поднимать.

— Ты что?! Захотел, чтобы за твои речи всех нас на допрос? Кочан ты крутобокий!

С того дня жизнь пошла не сладкая. Работа вроде и не ахти какая тяжёлая: каждый день в штабе полы подметать; раз в неделю мыть; пыль со столов и стульев смахнуть; иногда машину или подводу разгрузить, если шнапс или что-нибудь другое привезут; иногда к старосте сбегать с каким-нибудь поручением или от старосты — в штаб. Но всё время надо держать ушки на макушке.

Курт, заносчивый очкарик, который у Матрёниных стоял, служил в штабе караульным. Поначалу Коля даже обрадовался такой встрече: всё-таки «свой», можно сказать, но Курт и носа не повернул в сторону Кольки. А однажды утром провёл по сиденью стула ладонью, проверил, не пыльное ли, и с наслаждением треснул Кольку по щеке.

Но всё это были цветочки. Ягодки им преподнёс сам Череп — комендант Ключе.

Как-то после разгрузки подводы поднялся переполох: недосчитались ящика с мясными консервами. Схватили ребят, как щенков, за загривки — и к Ключе. Какой скандал он поднял! Тонкие, в ниточку, губы дёргаются, бритая голова трясётся — ну вылитый череп, вроде того, что был в

школе, в биологическом кабинете. И плёткой каждого... Потом заперли всех троих на ночь в сарай. Закоченели ребята чуть не до смерти...

А утром ящик с проклятыми консервами нашёлся. Но всё равно для острастки по распоряжению Ключе лишили «особую команду» хлебного пайка на целый месяц.

Конечно, Серёга не спустил Черепу. Вбил на мосту через речку Лавровку два толстенных гвоздя с заточенными остриями. И как только поехал комендант на своей серой легковушке, так и проколрл шины. Опоздал на какое-то важное совещание к начальству и такой разнос получил, что неделю ходил чернее тучи.

Но обиду мелкой мстью не утолишь. Ну разве не сволочь староста, придумал, чтобы советские пионеры на гитлеровцев работали! Сам предатель и других заставляет на фашистов спину гнуть. Умеют же такие, как он, изворачиваться, приспособливаться...

Кто не знал в Дедкове Ивана Фридриховича Готмана, вежливого, подтянутого! Идёт, бывало, по улице — сухой, высокий, направо и налево кивает: «Здравствуйте! Как ваше здоровье?»

В те годы, когда в стране была частная торговля, Иван Фридрихович служил в фирме, которая продавала швейные машины немецкой марки «Зингер». Ходил по домам, доставлял по заказам машинки и потом не забывал их владельцев — заглядывал к ним, интересовался, как работает механизм и не надо ли прислать мастера для наладки или ремонта. Когда же частной торговли не стало, сам занялся ремонтом швейных машин.

Теперь официально должность Готмана именовалась «бюргермайстер» — бургомистр. Что-то вроде «старший над городским населением». Но немецкое слово было чуждо русскому уху. Поэтому в обиходе все, даже полицейские, называли Готмана старостой — проще и понятнее. Готман делал вид, что ему всё равно. «Лишь бы было послушание», — видимо, рассуждал он.

То, что происходил он из немцев, дедковцы давно забыли. Когда его предки приехали в Россию, никто не помнил. Лет, наверное, двести назад, когда фабрикант Мальцев основал стекольный завод. А теперь сказалась в Готмане кровь — всей душой потянулся к немцам! Хотя сам по имени Иван, да, выходит, не тот...

«Ладно, — подумал Сергей. — Пусть бургомистр Готман считает, что он теперь в городе — самая главная шишка».

Сергей — человек решительный. «Получил по заслугам Благодухов, и этому не спустим», — дал себе слово Серёга.

Колька и Серёга жили на Воронежской улице. Только Коля ближе к центру, а Сергей на другом конце, на Крупчатке — так звалась эта окраина города. А вот Зина Говоркова, тоже из шестого «А», та — на Буяновке, что к самому лесу подходит.

Теперь каждый вечер, когда Колька и Серёга возвращались с работы, Зина поджидала их у школы. Посмеивалась: «Укрепляем мощь великой Германии фюрера?»

Девчонка эта ребятам ни в чём не уступит. Она

была и председателем совета пионерского лагеря, и лучшей гимнасткой школы, и даже стояла вратарём в футбольной команде Воронежской улицы. Ну, а язычок у неё!

Серёга злился. А она только пуще дразнилась. Серёга даже как-то её стукнул, да она изловчилась, схватила его за шею — и бух в сугроб!.. Сама она крепкая, лицо в веснушках, волосы огненно-рыжие, косичками топорщатся. В классе её побаивались.

Сегодня Сергей, поравнявшись с Говорковой, тронул её за руку и шепнул:

— Зишь, дело есть...

Зайдя за сарай, он распахнул пальто, дал Зинке и Кольке пощупать что-то железное и круглое во внутреннем кармане.

— Граната! — разом сообразили те.

— Догадливы вы, я смотрю, — процедил Серёга. — А может, догадаетесь, зачем я её раздобыл?.. То-то. Со старостой сегодня считаться пойдём!

Зина хлопнула в ладоши, а Коля покачал головой:

— Нас же, как котят, похватают!

— Дурья башка! Ты что ж, меня за Капустку-несмышлёныша принимаешь? Нет уж, в петлю я не собираюсь. У меня план что надо!.. Помните, как мы деда Митрофана на пасеке дразнили?

Года два назад ребята так подшутили. Остороженько гвоздик в оконную раму Митрофанова домишки вбили, на нитке грузик подвесили и к тому грузу длинную нитку прицепили. И потянули её за собой в кусты. Дёрг-дёрг, в окошко стук-стук. Выбежит дед Митрофан — никого. Вернётся в дом, снова кто-то барабанит.

— Что, гранатой по раме тарахтеть будем? — не понял Колька.

— Раз трахнем — и всё! — засмеялся Серёга. — За бечёвку из кустов дёрг — и окно навывлет... Мы же сами сегодня Готману шнапс носили. Значит, кто-то будет у него, перепьются, не поймут спьяну, кто да что. Понял теперь?

Зинка сдвинула брови — она так всегда делала, когда что-то обдумывала, — и, подняв лицо к Серёге, сказала:

— А ну рванули!..

Колька ничего не сказал, и от этого ему стало стыдно. Где-то в глубине души он чувствовал, ох как остро чувствовал, что Серёгин план — глупость. Но в то же время понимал и другое. Вот они с Серёгой просили Калачёва: «Возьмите с собой, мы тоже будем фашистов бить», а теперь получается, подвернулся случай показать себя, предателя проучить, и первым в сторону он, Колька Матрёнин. Какая тогда ему вера? Нет, он не трус. Уж если решили...

— Пошли, — произнёс Колька. — Только не спеши, осторожно надо, всё предусмотреть...

«ЧТО ЗА ШУТКИ, ГОСПОДА?»

Друг за дружкой прокрались они через пролом в заборе. Теперь только двор пересечь и... Вдруг тень наперерез. И голос знакомый:

— Замри!

Калачёв! В ватнике, в ушанке стоит, палец к губам приложил...

Выбрались назад через пролом, присели за сугробами.

— Так... — протянул Калачёв. — Не вынесла душа поэта?

Колька зарделся: поэт — вроде он. Но ведь Максим Степанович не знает, что Колька пишет стихи. Нет, это он обо всей их компании. Затею их угадал, что ли?

А Серёга по-своему расценил слова Калачёва.

— Вот, граната у нас. Теперь вместе с вами...

Если бы на дворе было светло, ребята наверняка бы увидели, как помрачнело лицо Максима Степановича. Ох, как ему хотелось сейчас скомандовать им: «Кругом марш!» Да ещё прибавить такие слова, чтобы надолго отбили охоту к безрассудным затеям. Окажись он пятью минутами позже у дома Готмана, и свершилось бы непоправимое...

Но ведь у ребят были свои планы, у Калачёва — свои.

«Приказать им немедленно уйти, — подумал Калачёв, — не послушаются. Притаются где-нибудь, а потом, не зная, что к чему, придумают такое!.. Нет уж, если ребята решились, надо их брать в помощники. А мне Зинаида и впрямь пригодится. Для конспирации с ней удобнее...»

— Ребята, дело у меня посерьёзнее вашего, — сказал Максим Степанович. — Вижу: довериться вам можно. Отползайте-ка к Лавровке и там ожидайте Зинаиду. А мы с ней...

Зинка, несмотря на то что характером решительная, поначалу растерялась, когда вошла с Калачёвым в сени и услышала из комнаты голоса.

— Проходи, проходи, Степаныч! — Готман прямо с порога потащил Калачёва в комнату.

За столом, уставленным тарелками, сидели двое.

— Э, да я не в урочный час... — протянул Калачёв. — Только уж просим прощения. Жена, понимаете, совсем житья не даёт. Сходи да сходи, говорит, к Фридриховичу за швейной машинкой. Ведь, говорит, обещал и деньги уже уплатили. Вот и дочку со мной отрядила. Не вертайтесь, говорит, без машинки!

Готман расправил седые пышные усы, огладил жилетку.

— Всё будет честь по чести. Есть, есть у меня один экземплярчик. Собственный. Ещё от старых добрых времён, зингеровский! Сейчас достанем машиночку из потайного уголка. Прятать, прятать, господа, надо всё. Не ровен час, бандиты из леса нагрянут. Так-то... А вы пока с дочуркой присаживайтесь. Что бог послал, отведайте вместе с господами из Брянской управы.

«Господа» — один чернявый, вёрткий, другой с рыхлым широким лицом — видать, уже изрядно приложились к угощению. Задвигали стульями, освобождая место неожиданному гостю.

— Так это как понимать, уважаемый, — начал вертлявый, наливая в стаканы самогон, — думаете своё швейное предприятие заводить?

Калачёв ухмыльнулся, не спеша ковырнул в тарелке вилкой, положил себе груздочков.

— С предприятием пока можно и повременить. Устоится новая власть, осмотримся малость... А сейчас вот их надо обшивать. — Максим Степанович показал на Зинаиду. — Да и на продажу, на обмен кое-что приготовить...

— Правильно понимаете обстановку, — всту-

пил в разговор рыхлолицый. — Только, скажу вам, надо спешить помогать новой власти. Ох как спешить!

Готман, раскладывая на тарелки гостей картошку с салом, кивнул в сторону Максима Степановича:

— Степаныч первым в списочке, который я вам передал, стоит. У меня на него виды ой какие надёжные! Перестраивать полицию по-новому он первый поможет...

— Простите, — перебил чернявый, — а происхождением своим каковыми будете?

— Самое типичное моё происхождение — из раскулаченных...

Перед тем как войти в дом старосты, Калачёв сказал Зинаиде, чтобы она ничему не удивлялась: «Что бы ни происходило, твоё дело — помалкивать». Но то, чему она стала сейчас свидетельницей, её озадачило. Как это всё понять? Издевается Готман над Калачёвым или медленно припирает его к стене? Тогда зачем же Максим Степанович сам пришёл в западню? Нет, тут была какая-то игра, суть которой Зина пока ещё не могла разгадать.

— Ну что ж, — поднял стакан Калачёв, — давайте тогда за будущее. От каждого из нас зависит теперь, как дальше жить.

— Истинно сказано, истинно! — подхватил чернявый.

Закусили. Рыхлолицый — видно, он был старшим — сказал, что жаль, не успели они свидеться нынче с немецким комендантом. Но завтра с утра непременно всё с ним обсудят, все кандидатуры желающих служить в полиции.

Заговорили о непобедимости германских войск и о том, что Красной Армии больше не существует. То ли захмелел Калачёв, то ли подумал, что брянские гости слишком пьяны, но только Максим Степанович о силе фашистского воинства так сказал:

— Да кто ж победит такую армию, где даже лошадей сахарным песком кормят? Нарезут соломы, попудрят её сладким и кормят.

Вертлявый перестал жевать, устался на Калачёва, а его начальник хохотнул:

— Шутник! Только смотрите, не очень-то распространяйтесь. Здесь-то мы все свои, а не ровен час...

В дверь постучали. Калачёв встал и сказал Зине:

— Вот, дождались мы с тобой. Тут господа об осторожности говорить изволят, а для нас с тобой страшнее всего, коли наша матушка сама собственной персоной сюда прибудет. Где же машинка, Иван Фридрихович?

Готман вышел в сени, и тотчас на пороге показался Ревок:

— Оружие на стол! Руки!..

Чернявый метнул глаза на Калачёва и Зинку:

— Что за шутки, господа?

Калачёв стоял уже у дверей, надевая шапку:

— Господ среди нас, если хотите, только двое. Остальные — товарищи. Да и вы — какие вы господа? Так, жалкие лакеи фашистов...

ВОТ ПОЧЕМУ СУМАТОХА

Курт и Макс обычно вставали чуть свет. На спиртовке готовили себе кофе, разогревали булочки и банки мясных консервов.

Бесцеремонное хождение, громкие разговоры и особенно запах кофе заставляли Кольку просыпаться раньше обычного. Они с мамой давно переселились на кухню: Елена Викторовна спала на печи, а Коля на раскладушке, которую пододвигал к самой двери, чтобы постояльцы, чего доброго, к ним не зашли.

Особенно нагло вёл себя очкарик: пожарче натопи печь, натаскай воды, вычисти его сапоги до глянца, чтобы в них, как в зеркало, можно было смотреться...

Конечно, обидно выполнять приказания врагов. Но подержать в руках ранец, покрытый рыжей телячьей шкурой, пощупать погоны и пуговицы, полистать журналы с глянцевыми красочными картинками — что ни говори, любому интересно. Это ж первые чужеземцы, которых видит в своей жизни Колька!

Вот Макс Лихтенберг. Возвратится из штаба, разложит на столе фотографии и смотрит на свою жену и троих ребятшек. Снята вся семья возле собственного домика из белого камня с черепичной крышей. И заборчик как игрушка, и травка во двореке подстрижена.

Колька заглядывает из-за спины Макса. Нет, никогда не видал Колян таких ухоженных двори-ков и таких уютных домов.

Мама не одобряет Колиного интереса к Максy и его фотографиям. Курта же она презирует, не

считает за человека: «Не студент он, а безмозглое чудовище!»

Ворвался однажды этот Курт на кухню и швырнул в лицо Елене Викторовне газету «Речь». Её выпускали фашисты специально для населения оккупированных областей, потому она и печаталась на русском языке.

Елена Викторовна нашла отчёркнутую статью «На работу в Германию», и даже губы у неё побелели от волнения.

«Сегодня Брянский вокзал многолюден как никогда. Более 300 человек отправляются на работу в Германию. Привет великой Германии! Она предоставляет русскому народу работу. Русский народ, в свою очередь, показывает дружеское отношение к германскому народу...»

Курт ослабил, ткнул Елену Викторовну в грудь:

— Ты и все дедкоф женщин тоже поедут работ Германия! Ха-ха!..

«Вот, значит, как получается, — подумал Коля. — Пришли они к нам из своих ухоженных домов, наши собственные рушат и жгут, а людей насильно вывозят для работы на свою родину. Да ещё и врут при этом, врут о дружбе!»

Макс, когда Курт вышел во двор, тоже заявился на кухню.

— Их бин, — торопливо начал он по-немецки и тут же, мучительно подбирая русские слова, сказал: — Я ест слюсар, то есть слесарь. Я сам рабочий. И я ни раз не стреляйт фаших зольдат... Стреляйт воздух, поверх голова...

В это не просто было поверить. Но ведь Макса никто не вызывал на откровенность. Значит,

если он решился об этом сказать, его что-то мучило.

Что? Очевидно, ему было стыдно за Курта, стыдно за то, что делала его Германия с русским народом.

Но сам он боялся этой Германии, фашистской Германии, которая насильно надела на него шинель, вручила винтовку и скомандовала: «Марш!...»

Наружная дверь бухнула, вошёл Курт, громко топая сапогами, и Макс поспешно вышел из кухни в большую комнату.

Несколько раз, когда Макс оставался один, он стеснительно клал на стол плитку шоколада или трубочку леденцов. И когда Елена Викторовна отказывалась принимать подачи, упрашивал:

— Для киндер, для дети... Для Коля...

Но при Курте он старался не оказывать Матрёниным никакого внимания.

После случая в доме Готмана Коля и Сергей со дня на день ждали грозы.

Шутка ли — Калачёв и Ревок из-под самого носа немцев выкрали заместителя начальника и старшего писаря брянской полиции. Да к тому же оказалось, что Готман вроде бы и не предатель, а заодно с партизанами!

Правда, Калачёв ни Серёге с Колькой, ни Зинке прямо об этом не сказал. Но Зинка ведь не дура! Она всё собственными глазами видела.

Да, гроза вот-вот могла разразиться, но её почему-то не было.

Дня через три после этого происшествия Колька проснулся и удивился: в доме стояла непривычная тишина. Ни Курт, ни Макс не гремели са-

погами, не насвистывали, как обычно, даже голос их не было слышно.

— Дрыхнут? — спросил Коля.

— Нет никого. Как вечером ушли, так и не возвращались. Может, что случилось? — пожала плечами мама.

Колька быстро оделся, выскочил на улицу.

Когда Колька влетел во двор комендатуры, он сразу догадался, что ночное отсутствие их постояльцев никак не связано с исчезновением Брянских полицейских чинов.

Во дворе стояли повозки и грузовики, солдаты загружали их ящиками и тюками.

«Смываются! Вот почему суматоха. Им теперь не до партизан!» — радостно подумал Колька и бросился разыскивать друзей.

Серёга и Мишка топтались возле сарая и молча глядели на происходящее. Капустка — кругленький, как колобок, — подскочил к Кольке и шёпотом сообщил, что ночью человек пятьдесят фашистов уже уехали из города по Людиновской дороге. Он сам слышал, как солдаты говорили между собой, что их направляют к Сухиничам и Песочне.

— Вот это да! Там же линия фронта! Сухиничи и Песочня совсем рядом, ну километров, наверное, сто от Дедкова! Значит, наши там здорово нажимают! — Колька, забыв об осторожности, радостно бросился к Серёге.

Но тот крепко взял его за плечо:

— Цыц! Вы что раскудахтались? На вас же смотрят!

И тут же сделал Кольке подножку, повалил в

сугроб. Пусть думают, что пацаны просто решили погреться.

Как раз когда они забарахтались в снегу, с крыльца послышался голос полицейского:

— Эй, особая команда, к господину Готману!

ЧАСЫ С БОЕМ

Иван Фридрихович прохаживался по кабинету, изредка останавливаясь у окна и бросая беглый взгляд во двор, где метались фашисты. Староста был в чёрном костюме, белой сорочке, с чёрной «бабочкой». У стола по стойке «смирно» застыл полицейский в коротком полупальто, перехваченном солдатским ремнём с тусклой алюминиевой пряжкой, на которой было рельефно выписано «Гот мит унс» («бог с нами»). На рукаве — повязка с фашистской свастикой.

В расположении старосты — а значит, и во всём Дедкове — было двое полицейских. Все жители знали их в лицо, но кто они и откуда, с уверенностью никто сказать не мог. Говорили, что это бывшие красноармейцы, изменники и что староста назначил полицией их, а не местных, чтобы они, дескать, свирепствовали вовсю. Однако ничего такого уж страшного за полицией не водилось, хотя службу они соблюдали ревностно и исправно.

Двоих на город, конечно, маловато. Поэтому комендант Ключе и Брянская управа стали настаивать на том, чтобы создать в Дедкове настоящий отряд полиции. И главным образом из мест-

ных. Так будет сподручнее, говорили фашисты, вывернуть большевистское нутро.

Готман объявил приём желающих. Записалось семеро — пьянчуги и бывшие уголовники. Список этот Готман вручил представителям брянской полиции как раз в тот самый вечер, когда к нему «в гости» пришёл Калачёв.

Всё было заранее продумано. Потому и фамилия самого Калачёва стояла на бумажке первой — как будто бы и он тоже предатель. Зато фамилии тех, кто и вправду захотел выслужиться перед фашистами, оказались известны партизанам.

Навытяжку перед старостой стоял Фролов. Другой полицейай, Романов, позвавший ребят, остался в коридоре.

— Н-да, господин Фролов, загадочная, скажу я вам, история, — обратился Готман к полицейскому, не замечая ребят, столпившихся у двери. — Совершенно странная история: партизаны приходят, говорите, из лесу и оставляют у порога вашего дома целую кипу листовок. И каких, скажу вам, наглых листовок! Вы обратили внимание, о чём в них говорится?.. «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы, — начал читать Готман. — Шестнадцатого ноября сорок первого года германские войска, развернув против Западного фронта тринадцать танковых, тридцать три пехотных и пять мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву. Шестого декабря войска Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контр-наступление против его ударных фланговых груп-

пировок... Частями наших войск занято и освобождено от немцев свыше четырёхсот населённых пунктов... Захвачено танков триста восемьдесят шесть, автомашин — четыре тысячи триста семнадцать, орудий — триста пять... Потери немцев составляют свыше восьмидесяти пяти тысяч убитыми...»

Иван Фридрихович пристально посмотрел в лицо полицейскому:

— Как вы это находите? По-моему, обычные небылицы красных. Однако вы хорошо сделали, господин Фролов, что принесли эти бумажки прямо ко мне. Сами понимаете, в данный момент не резон беспокоить господина Ключе.

Колька и Серёга внимательно слушали Готмана, и снова червячок недоверия, казалось бы исчезнувший после происшествия в доме старосты, зашевелился где-то под самым сердцем.

Какую игру ведёт Иван Фридрихович, с кем он? Может, он спасает свою жизнь, боится партизан и потому не сообщил о налёте Калачёва и Ревка коменданту, не поднял тревогу? Но Зинка кляётся, что она слово в слово запомнила, как Калачёв сказал тогда арестованным представителям Брянской управы: «Господ среди нас только двое. Остальные — товарищи...» Выходит, и старосту он тоже назвал товарищем.

Тогда остаётся одно: полицейские уж точно предатели, поэтому Иван Фридрихович и объясняется с Фроловым так хитро.

Иван Фридрихович обернулся к двери и словно только сейчас заметил ребят:

— Как здоровье, молодые люди, не болеем? Капустка вывернулся из-за Серёгиной спины

и уже раскрыл было рот, но Серёга ткнул его в бок.

«Сейчас ляпнет при Фролове, что после ночи, которую по приказу Ключе они провели в сарае, у него, у Мишки, в груди хрипит».

— Здоровье нормальное, — не вдаваясь в подробности, ответил Серёга.

Готман сел за стол, сомкнул длинные пальцы. Стали видны туго накрахмаленные манжеты с золотыми запонками.

— Я пригласил вас, чтобы объяснить: в течение двух дней можете быть свободными. Советую отсидеться в тепле. Да, да, морозы крепчают, молодые люди, а рисковать здоровьем в такое время грешно... Итак, всего доброго... Ступай, Капусткин. А Вавилова и Матрёнина прошу на минуточку задержаться. Поможете упаковать настенные часы. Прекрасный механизм с мелодичным боем, жаль, если с ним что случится...

Коля и Сергей влезли на стулья и осторожно сняли старинные, в чёрном лакированном футляре с замысловатыми завитушками часы. Фролов козырнул и удалился.

— Попрошу аккуратнее с механизмом, — наставительно говорил Готман, — английской работы вещь. У меня к точным и умным машинам, нэ скрою, слабость. Давайте их в мешок, так... Теперь оберните рогожей да бечёвкой прихватите... Ну, а я, молодые люди, по делам...

Часы лежали на длинном, приземистом столе. Совсем недавно за ним сидел Иван Петрович Мыльников, председатель райсовета. Всё в комнате оставалось таким же, как до прихода фашистов: стулья вдоль стен, два книжных шкафа, глубокие

кожаные кресла. Только над столом теперь висел портрет Гитлера.

Из-под чёлки смотрели на ребят колкие глаза фюрера.

Серёга и Колька, став к портрету спиной, подвинули часы на середину стола. И тут они увидели стопку листовок. Одну из них только что читал вслух староста. Ребята взяли по листку, быстро пробежали текст. Это было сообщение Советского Информбюро.

Коля заметил, как задрожали Серёгины руки. Не выпуская листовки, Серёга покосился на дверь. Она была закрыта.

— Берём? — выдохнул Сергей. — Фашисты ничего не знают о листовках, а Готман... Он нарочно оставил нас здесь! Понимаешь?!

Колька глянул на дверь.

— Расстёгивай куртку! — приказал Серёга и сам, распахнув пальто, сунул за пояс, под рубаху, пачку листовок. — Остальные — твои.

Коля тоже запрятал пачку листовок под лыжную куртку.

— Теперь давай отсюда...

Серёга послушал у двери — тихо. Жестом показал Кольке, что можно выходить... И тут два нацеленных глаза Адольфа Гитлера снова с прищуром уставились на ребят.

— Что, видел, проклятый фюрер? На-ко, выкуси! — показал Серёга портрету дулю.

ФРОЛОВ УЗНАЁТ СЕРЁГУ

Зинаида жила в старом доме вдвоём с больным отцом. Мать её умерла года четыре назад, старшая сестра Вера эвакуировалась с детьми с первой же партией рабочих стекольного завода, надеясь, что следом тронутся и Зинка с отцом. Но Тихон Ильич сильно занемог. Да и выехать к тому времени было уже не просто: станцию разбомбили, а другого транспорта в обрез.

У Сергея всё вышло по-другому. Его отцу, бригадир шлифовщиков, приказано было с первым же эшеленом вывезти оборудование и дорогие, хранившиеся в заводском музее хрустальные изделия.

Уехали всей семьёй: отец, мать, Серёга, два младших брата — Славка и Витька. Но не прошло и полмесяца, как Сергей снова объявился в Дедкове. Сказал, что в Ельце отстал от эшелона, а куда эвакуировался завод, точно не знает, и вот теперь у него одна дорога — к бабушке, которой не под силу было уехать в дальние края. Коля и Зина не очень-то верили Сергею: видно, рвался Серёга ближе к фронту...

Когда ребята примчались к Зине, она, прочитав первые строчки сообщения о победе Красной Армии, охнула:

— Мальчики, да какие ж вы молодцы! Теперь — в город. На все заборы наклеим!

Она притворила дверь в комнату, чтобы не слышал отец, достала из кухонного стола тощенький мешочек муки.

— Зишка, положи на место! — приказал ей Серёга. — Я у бабушки крахмала раздобыл, из не-

го и сварим клей. А муку для отца побереги. Ему поправляться надо.

Коля, обхватив голову руками, сидел над листовкой. Совсем свежий набор, и букочки почему-то удивительно знакомы. И вдруг вспомнил: да ведь это же шрифт их газеты «Дедковский рабочий». Такими же буквами весной было напечатано его первое стихотворение «Выше алые стяги!».

— Листовки печатали наши, дедковские! — выпалил Коля. — Значит, большая сила действует: у них и типография и бумага...

Здорово! Как здорово там, на фронте! «В результате начатого наступления группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...»

И в Колиной голове вдруг возникли слова, стали выстраиваться в строки: «И в той победе... В той победе доля есть...» Чья доля? Конечно, дедковских партизан! Тогда, может быть, так: «Мы, партизаны Дедкова, считаем, что в той победе наша доля есть»?

— Зишка, дай чернила и ручку! — потребовал он.

— Ты что, приписать хочешь? — Серёга накрыл листовку широкой ладонью. — Тебя же, дурья башка, по почерку узнают!

— Остынь немного. Тоже мне командир! — сказал Колька, но тотчас смутился, захлопал длинными пушистыми ресницами. Впервые в жизни он так разговаривал с Серёгой. — Я сам соображаю, что надо по-печатному. Смотри!

И написал внизу листка:

Враги бегут, поспешно оставляя
Орудья, танки, воинскую честь.
Мы, партизаны Дедкова, считаем,
Что в той победе наша доля есть!

Зина вскочила, обняла Кольку. И тут же стала переписывать стихи на другую листовку.

— А ну постой! — потребовал Серёга. — Ты про какую там, Коль, воинскую честь сочинил? Это у фашистов-то «честь»?

— Да это ж приём такой, понял? Слово «честь» здесь означает, например, воинские знамёна. А фашисты так драпают, что даже эту свою честь бросают по дороге. Здорово, а?

— Ладно, валяйте, — снисходительно улыбнулся Серёга. — Только надо написать: «Мы, партизаны брянские...» И складнее и правильнее по смыслу будет: пусть фашисты боятся не только дедковских, а всех брянских партизан. И в целях конспирации хорошо. Раз написано «брянские», ищи-свищи ветра в поле, кто и где отпечатал листовки.

Колька не стал спорить, очень довольный своими стихами. Выходит, и он на что-то годится. Решили: пусть и о дедковских и о брянских партизанах будет в листовках, и пусть ещё другие слова впишет каждый, какие хочет, вроде «Смерть всем фашистам».

Всего листовок оказалось сорок семь штук. Их печатали на толстой бумаге, похожей на обёрточную, оттого и пачки были такие толстые. Но расклеить листовки оказалось делом нешуточным. Когда наконец у них осталось всего два листка, Серёга присел на приступок школы, отломил ледышку, жадно пососал.

— Надо бы ближе к фашистам налепить, — сказал он. — Возле штаба или ещё где... В общем, ждите меня здесь, я один прошмыгну.

Серёга, заложив руки в карманы и насвистывая весёлый немецкий мотивчик, двинулся вдоль заводского забора. Свернул за угол — вот тут будет в самый раз. Оглянулся по сторонам, прямо рукой собрал остатки клейстера из банки, которая была в кармане пальто, мазнул по бумаге. Теперь другой рукой припечатать и — дёру.

— Хальт!

Лязгнув затвором винтовки, из пролома в заборе, который впопыхах не заметил Серёга, высунулся гитлеровец... Эх, до чего ж глупо попался!..

Фашист срывает листовку и бьёт Серёгу в спину прикладом. Сергей падает. Солдат рывком поднимает его и толкает стволом винтовки вперёд... Навстречу Фролов, тоже вооружённый, с винтовкой наперевес.

— Дас флюгблятт... — задыхаясь от возбуждения, объясняет солдат. Листовка, дескать.

Фролов приближается.

— Да этого сорванца я знаю! Надо бы ему руки скрутить, герр зольдат. — И вытаскивает из кармана верёвку.

— Гут, яволь! — охотно соглашается фашист. Он забрасывает винтовку за плечо, чтобы освободить руки, и вдруг, глухо застонав, тяжело оседает на снег.

— Беги домой огородами! — старательно загребая валенками снег на месте стычки, приказывает Сергею Фролов.

ТРИДЦАТЬ ЗАЛОЖНИКОВ

С тех пор как Серёжка вернулся в город, бабушка его, Дарья Михайловна, радовалась тому, что она теперь не одна, но и, конечно, тревожилась. Из всей школы был Серёжка самым непоседливым. А ведь время такое — недалеко и до беды.

Но Сергей прямо на глазах менялся: серьёзное стал и будто спокойней. А что там у него на уме, разве узнаешь!..

Ночью разметался на кровати, одеяло сбросил, что-то бормочет. «Не жар ли?» — всполошилась бабушка и чуть свет поспешила к подружке, Варваре Артамоновне, — лекарства раздобыть, а может, какой травки присоветует.

Вернулась с горстью сушёной малины и прямо с порога:

— Внучек, беда! Ночью на Буяновке фашист вывел тридцать человек из хат и всех запер в эмтээсовском гараже. Говорят, за солдата ихнего. Кто-то его прикончил вчера. Да прямо на улице!..

Сергей отвернулся к стене. Сжался в комок, даже испарина выступила на лбу: «Спалят, гады, людей! Живьём ведь спалят!»

Было такое полмесяца назад в деревне Берёзовке, недалеко от Дедкова. Показалось фашистам или вправду кто донёс, будто в одной избе партизан прячут. И без разбора всех жителей — в амбар. Потом обложили сеном и... как не было деревни. Это по одному только подозрению. А тут — убитый солдат. И ещё листовки на заборах...

Серёга вскочил, потянулся за брюками. Спросил, стараясь ничем не выдать волнения:

— Только с Буяновки брали? А на других улицах что, тихо?

Бабушка задёрнула плотнее занавеску, будто их кто-то мог увидеть.

— Листовок, говорят, за ночь понаклеено — и на домах и на заборах видимо-невидимо. Утром фашисты бегали как чумные и соскребали со стен те листовки. А в листовках-то, знаешь... Мне Варвара сказывала. Будто гонят их, басурманов проклятых, и от Москвы и отовсюду, гонят взащей!.. Ой, не ходи ты никуда, Серёженька!..

Но Сергей уже сунул ноги в валенки...

Однако выйти не успел. Дверь в сенях бухнула, и на пороге выросла Зина — платок сбит на затылок, рыжие прядки во все стороны, а лицо бледное. Серёгу точно током ударило:

— Отца взяли?!

Зина пошатнулась и начала сползать вдоль притолоки. Дарья Михайловна едва успела её поддержать.

— На рассвете влетели трое и отца прикладами в спину. Он идти даже не мог — волоком его, гады...

— Останешься у нас, дочка. — Дарья Михайловна обняла её, помогла снять пальто.

Надо ж, какой бедой обернулись листовки!.. Ведь они для людей старались, чтобы все правду узнали, а вышло, будто ты тридцать человек к смерти приговорил.

Серёга рванулся к двери, толком ещё не сообщая, куда и зачем бежать.

— Не ходи, — остановила его Зина. — Я знаю, о чём ты сейчас... Ты здесь не виноват. Никто не виноват... кроме фашистов. — Минуту молчала,

горестно задумавшись, потом сказала: — А идти сейчас некуда. Мы с Коляном часа два продежурили возле комендатуры. Думали, может, увидим Готмана. Да не подступишься — часовой на часовом. Вот если бы Калачёв, если бы партизаны...

«ПОЛУЧАЙ ЗА ВСЁ!»

Это оказался не гром, о котором со сна подумал Серёга. Он подскочил к окну. Только что пробившийся рассвет окрашивал и небо и широкое заснеженное поле одинаковым серым светом. Но вдруг небо прочертили две гибких, огненных дуги, наполняя всё вокруг бледно-розовым светом, и снова, уже не во сне, а наяву, загрохотало из лесу.

— Наши! Красная Армия! — ахнул Серёга. — Эй, вставайте!

Но бабушка и Зина уже одевались.

Сергей, отодвинув засов, выглянул во двор. Сухая дробь автоматов слышалась вперемежку со звонкими, трескучими разрывами мин. Серёга бросился в сарай и, разворотив поленницу дров, вытащил из тайника гранату.

— Быстрее! — крикнул он Зинке. — Красноармейцы же не знают, где эмтээсовский гараж!.. А ты, бабуш, не бойся. Мы мигом!

С размаху перескакивая через плетень, Серёга увидел за стеной школы нескольких человек в маскировочных халатах с советскими автоматами в руках.

— Ур-ра Красной Армии! — крикнул он и, подтолкнув Зину, бросился вперёд.

— Ложись! — послышалось от школы.

Серёжа распластался на снегу, прикрыв полою своего пальто Зинкину голову. Зинка забарахталась, выплёвывая снег, оттолкнула Серёгу. Шапка его откатилась на несколько шагов. Серёга хотел ринуться за ней, но тут острые фонтанчики снега вспенились как раз между теми, кто спрятался за школой, и открытым местом, где вlepились в снег Зина и Сергей.

Дык, дык!.. — ударило совсем близко. Джи-джи!.. — запели белые фонтанчики, сверля острую пунктирную тропку в направлении к ребятам.

— Отползай, — потянула Серёгу за валенок Зинка. — Отползай!

Пулемётный росчерк добежал вприпрыжку до самой вмятины, которую оставили в снегу Сергей и Зина, и замер: невдалеке сильно рвануло. Сверху на ребят посыпались комья снега и какие-то щепки.

Вскочив на ноги, они увидели, как метрах в сорока, за зданием ремесленного училища, медленно оседало лохматое облако взрыва. К нему бежали люди в белом, припадая изредка на колени или прямо с ходу строча короткими, ломкими очередями...

Но у Серёги и Зинки был свой путь — к гаражу.

На глаза лезет мокрый от пота клок волос, сердце стучит так гулко, что отдаётся в голове — вот как устал Серёга! За ним пыхтит Зинка, валенки увязают в снегу.

И вот гараж — длинный, из толстых брёвен, на воротах железные брусья крест-накрест.

Ворота эти совсем рядом. Только вот обогнуть дом с голубыми ставнями... Но что это? За домом

разворачивается грузовик, и на ходу выпрыгивают из кузова четверо фашистов. В руках у одного из них пулемёт...

Опять проклятый пулемёт! Двое, подхватив полы шинелей, бегут к воротам, а двое других плюхаются у машины и поворачивают пулемёт в сторону сарая.

Лязгают железом ворота, раздаётся команда: «Раус!» И через какое-то время по этой команде «Выходи!» в проёме появляется сначала один человек, потом ещё один...

Солдат, упёршийся в приклад пулемёта, вскакивает на ноги и, сорвав пилотку с головы, бросает её наземь и топчет ногами. Он что-то кричит, показывая в сторону выходящих из гаража людей.

«Да это же, Макс, Колькин Макс!» — догадывается Сергей.

Но второй — тоже Колькин: Курт, плюгавый очкарик. Он разворачивает пулемёт в сторону Макса.

За выстрелами не слышно, кричит ли Макс, падая в снег, кричат ли люди, замершие у чёрного зева сарая. Длинный свинцовый веер уже дошёл и до них: первые в ряду падают...

Серёга, ну, действуй!.. Эх, не успели наши! Пальцы с силой рвут проволочную чеку, и граната, коротко хлопнув почти в руках, летит в очкарика.

— Получай, гад!

И тут же раздаётся взрыв, от которого у Зинки закладывает уши. Точно в немом кино, она видит, как беззвучно встаёт чёрный сноп дыма на том месте, где бил пулемёт... Падает Серёга...

Мимо пробегают люди в масках. Наши!

И не красноармейцы, а партизаны, потому что первый, пробегая мимо Зинки, приказывает кому-то очень уж знакомым голосом:

— Всех раненых и этого парня — в больницу, на Первомайскую!

Да это же сам секретарь райкома комсомола Василий Самсонович Ревок во главе отряда!

«Ура!» — хочет крикнуть Зина, но горло сжимает ей страх за отца, страх за Сергея...

КОЛЯ НЕ ОПОЗДАЛ

Бывает же так! Всё идёт в твоей жизни, как и у других, всё как надо. И вдруг ты оказываешься белой вороной!

Держались они вместе, втроём. Под пыткой, казалось, не выдали б друг друга. А тут пришёл решительный час, и его, Кольки, не оказалось рядом с Серёгой и Зинкой. Признайся им, почему так произошло, посмешищем станешь!..

...Когда застрекотало и забухало вокруг, Колька вскочил, бросился к одежде. Глядь, а валенок и куртки нет — в чулане заперты! Никогда Коля не спорил с матерью, с детства привык: поступки и слова её правильны, а тут впервые не совладал с собой:

— Да ты знаешь, что мы с ребятами?.. Ты листовки видела?.. А тут солдат этот... Чего ж ты меня всё маленьким считаешь?

Глянул осторожно на маму — её лицо не дрогнуло. Лишь поправила прядку волос, как делала на уроках. Спокойно сказала:

— Я, родной мой, всё знаю — и о чём гово-

ришь и о чём ещё не сказал. Потому и прошу...

И только когда по улице, уже не стреляя, пошли гурьбой партизаны, когда стало ясно, что город наш, Елена Викторовна отдала Коле одежду, повязалась платком, накинула фуфайку и вместе с сыном — прямо к райисполкому.

А там уже толпа. Обнимаются, целуются — и кто из лесу вернулся, и кто здесь оставался. В коридорах не пробиться. Сизо от махорочного дыма, душно от намокших полушубков и валенок.

— Легка на помине, Елена Викторовна!

В новеньком белом полушубке, с ремнями крест-накрест — сам Калачёв. Протянул маме руку и кивнул на дверь, обитую коричневым дерматином, где ещё вчера был кабинет Готмана.

Коля прошмыгнул вслед за матерью. Не поверил глазам своим — председатель райисполкома Мыльников, Ревок, ещё человек пять знакомых и... Иван Фридрихович. Сидит среди партизанских командиров в своей неизменной чёрной тройке с «бабочкой» вместо галстука.

Елену Викторовну пропустили к столу.

— Соскучилась по тетрадкам, по чернилам, а, Викторовна? — улыбнулся Мыльников. — Так вот, берись-ка за протокол. Ты у нас депутат, а теперь будешь секретарём райисполкома. Пока бежала сюда, мы тебя единогласно утвердили.

Мыльников оглядел собравшихся, улыбнулся:

— Первый вопрос мы, так сказать, уже решили. Назначенный подпольным райкомом и райисполкомом и утверждённый фашистским командованием бургомистр города Дедково Готман И. Ф. освобождён от временной работы...

Все засмеялись, а Мыльников продолжал:

— А вот это, пожалуй, надо записать — объявить товарищу Готману благодарность и представить его к правительственной награде!

Затем составили обращение районного комитета партии и районного Совета депутатов ко всему населению города и района.

«Под ударами Красной Армии, — говорилось в обращении, — враг бежит на запад. Оказывая поддержку частям Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, партизанские отряды района освободили находящийся в тылу врага советский город Дедково и прилегающие к нему населённые пункты. В городе и районе вновь восстановлена родная Советская власть.

Райком и райисполком призывают население города и района, каждого трудящегося все силы отдать быстрейшему восстановлению народного хозяйства, восстановлению нашей, советской жизни...»

Когда Елена Викторовна ровным и красивым почерком записала текст и поставила последнюю точку, Калачёв попросил её прочитать документ.

— Всё правильно, — сказал он. — Только в последней фразе перед словами «все силы отдать быстрейшему восстановлению» давайте вставим: «Постоянно повышать бдительность и оказывать всемерную поддержку партизанским отрядам в защите города и района».

— Город будем удерживать всеми силами, — кивнул Ревок. — Уверен, что население поможет. Натерпелись люди от фашистов.

— Дельно говорит комсомол, — согласился Калачёв. — Помогать Красной Армии — первая наша задача. Передовые советские части от нас

уже в пятидесяти километрах. Все действия будем согласовывать с усилиями Брянского и Западного фронтов. Но и вторая задача не менее важная — быстрее восстановить в городе и районе нормальную жизнь.

Приняли решение: всё колхозное добро, спрятанное от оккупантов, все трофейные запасы продовольствия объявить государственными, строго подсчитать и раздать населению. Попытаться пустить в действие пекарню... В общем, делать всё, что возможно.

— Обращение к населению надо напечатать, — сказал Калачёв, — сейчас же передать в партизанскую типографию.

Коля, притулившийся на корточках в углу комнаты, чтобы его не заметили, вдруг распрямился пружиной.

— Максим Степанович! — просяще глянул в лицо Калачёву. — Давайте я обращение отнесу. Только скажите куда.

Мыльников улыбнулся и посмотрел на Елену Викторовну:

— Твой?

— Её! — вручил Коле бумагу Калачёв. — Один из «команды» Ивана Фридриховича.

Мыльников глянул на Колю, перевёл взгляд на бывшего старосту:

— Так это они у тебя, Иван Фридрихович, листовочки-то?.. Ну и хитёр же ты, Иван Фридрихович. Надо же так ребят разыграть!

Коля покраснел. Ему стало обидно, что Мыльников принял его и Серёгу за малышей, которые будто ни о чём и не догадывались. Но тут он услышал слова Ивана Фридриховича и покраснел

ещё больше. Теперь уж от внимания этих главных партизанских командиров к его, Кольки Матрёнина, персоне.

— Этих молодых людей мне Максим Степанович порекомендовал. Говорит: займи их немедленно, Фридрихович, каким-нибудь серьёзным делом, а то они, не дай бог, самому же тебе, как вроде бы первому вражескому холою, такое сделают... Ну что мне оставалось? — И Готман растерянно развёл руками.

Коля выбежал в коридор и столкнулся с человеком, которого в первый момент не узнал. В шапке с красным лоскутком наискосок, как носили партизаны, перед ним стоял... «полицай» Фролов!

— погоди! — задержал он Коляна. — Серёжку Вавилова сегодня немножко того... В общем, царапнуло малость. Можешь проведать, он в больнице.

У КАЖДОГО СВОИ ДЕЛА

Серёга, когда его вместе с другими легко ранеными ввели в приёмный покой, сразу же забыл о боли в левой руке. Кто-то по дороге в больницу снял с него пальто с набухшим от крови рукавом и наскоро перебинтовал рану. «Кость цела! — сказал партизан. — Но надо, чтобы посмотрел Антонин».

Мимо ушей проскочила тогда знакомая, очень знакомая фамилия известного в Дедкове врача. А может, Серёга и не расслышал её, ошарашенный случившимся.

В ожидании приёма раненые разместились кто

на уцелевших скамейках и белых больничных табуретках, большинство же — прямо на полу.

После колючего, обжигающего снега, ветра, мороза растянуться на сухом деревянном полу было верхом удовольствия. Каждый понимал: тем, кого внесли сейчас в коридоры на носилках или на руках, было куда хуже.

Понуднее устроившись рядом с печью, которую кто-то уже успел затопить, Серёга внимательно наблюдал за окружающими и втайне радовался, что всё так удачно вышло: он остался жив и партизаны, сами партизаны, увидели его в бою. Теперь они, конечно, расскажут об этом Калачёву.

Все, кто находился в приёмном покое, разумеется, были старше Сергея. Вот дядя Егор, мастер стеклозавода. Пуля попала ему в плечо. Наверное, ему было очень больно, но он ободряюще подмигнул Сергею.

Рядом с Сергеем примостился в углу Никифор Евдокимович Журкович с перебинтованной головой. Ему Серёга страшно обрадовался: этот уж совсем свой, начальник пионерлагеря!

Другие тоже оказались знакомыми. И те, кто пришёл из леса, и те, кого арестовали на Буяновке, а потом чуть не расстреляли сегодня фашисты...

Из разговоров Сергей узнал, что Курт успел застрелить не только Макса, но и молодого грабильщика стеклозавода Хомутова и старика, фамилии которого никто не знал.

Дядю Тихона внесли в коридор вместе с тяжелоранеными. Зина шепнула Сергею, что отец не ранен — у него ноги совсем сдали.

Заскрипели, хлопнули двери. Внесли и

положили посредине комнаты ещё двоих. На зелёных, стоящих коробом шинелях запеклись тёмно-бурые пятна. Фашисты!..

Журкович, ещё кто-то и Серёга даже приподнялись от неожиданности: а этих ещё зачем сюда?

— Ошиблись санитары, — раздражённо сказал Журкович. — В наш взвод надо было доставить, к Петру Добронравову, у него они всю семью расстреляли. Вот он бы их «вылечил»!

— Так-то оно так, — произнёс дядя Егор. — Среди немецких солдат тоже разные встречаются. Вот один из них, видишь, отказался в людей стрелять. Тогда другой, тоже немец, его самого прихлопнул...

— Выходит, у одних Гитлер начисто отнял разум, другие ещё с совестью, — сказал кто-то из раненых.

— А помните, — продолжил дядя Егор, — как под Новый год, когда отряд Ревка разгромил фашистский обоз и один-единственный ихний ефрейтор удрал живёхонький? Ну удрал и удрал. Где искать его будешь в зимнем лесу? И вдруг... Сидят наши в землянке, греются. Хлоп — дверь нараспашку, и на пороге фашист! Все за оружие. Мол, теперь до последнего патрона, если фашисты лагерь окружили. А ефрейтор руки вверх!.. Плакал потом, говорил: людей встретил, от мороза и голода в незнакомом лесу не погиб... Выходит, любая душа жить хочет!

— Кто же кому жить помешал? — резко повернул забинтованную голову Журкович. — Вот то-то и оно! Нет, если бы моя воля...

Журкович скрипнул зубами — то ли от боли, то ли от злости. Глянул под ноги — рядом фаши-

стская каска. Сжал Журкович зубы, чтобы не застонать, да как двинет ногой по каске. С грохотом до самого порога отлетела.

Тут, припадая на ногу, в приёмное отделение стремительно вошёл Антохин в белом халате.

— Шум есть, а драки нет? — поднял брови на круглом, широком лице, выпустил клуб едкого мажорочного дыма. — Ну-с, что там у вас?.. Быстренько осмотрите всех, — сказал он врачу и сестре, следовавшим за ним.

Только сейчас до Серёги дошло, о каком Антохине говорил партизан, перевязавший ему руку. Серёга был рад удрать куда глаза глядят, не смотря на боль...

...Лариска Антохина — толстая девчонка в круглых очках, за что её прозвали Совой, — приносила в портфеле очень интересные книжки: найди-ка ещё у кого приключения Шерлока Холмса!..

Книги ходили по рукам в пятом «Б», где она училась. А Колькин, Серёгин и Зинкин шестой «А» прямо помирал от зависти. Наконец Зинка сумела подкатиться к Лариске и выпросила у неё «Собаку Баскервилей». Книгу успели прочитать Зинка и Колька. А когда дошла очередь до Серёги, Лариска книгу забрала: подошла чья-то очередь из её класса. Серёга — парень с самолюбием. Свёл глаза к переносью и выпалил Сове: «Обойдёмся без твоего чтива!»

А назавтра зазвал к себе Кольку и Зинку и показал спрятанные в углу пять книг. Предупредил, чтобы ни Лариска, ни её подружки не пронюхали, откуда они.

Ночью Серёга забрался на чердак антохинского дома, взял несколько книг в таких же обложках, как «Собака Баскервилей», и приволок к себе.

Коля и Зина в один голос потребовали, чтобы Серёга сейчас же их вернул. Но тот только презрительно хмыкнул. Сам же решил: прочитанные книги положит на чердак, а новые возьмёт. Но лаз кто-то уже забил. Наверное, Лариска обнаружила пропажу и сказала отцу.

Досадно стало Серёге. Во-первых, такие рассказы не успел взять и прочитать: «Тайна Боскомской долины», «Пёстрая лента» и «Шесть Наполеонов»! От одних названий дух захватывает! А во-вторых, конечно, обиднее всего было, что и Антохины, и Зинка с Коляном его в самом деле за какого-то вора посчитали!.. Да он бы всем, хоть целой школе, давал бы такие книжки: читайте сколько влезет!..

Случилась вся эта история перед самой войной. Потом Лариска с матерью уехала куда-то в деревню к родственникам. Антохин перед приходом фашистов ушёл в лес. А теперь вот нос к носу встретился с ним Сергей.

— И тебя зацепило? — спросил Семён Михайлович, подходя к Сергею. — В жаркое место из любопытства нос сунул?

Под нависшими бровями глаза Семёна Михайловича глядели весело, и Сергею показалось, что доктор над ним насмехается. К чему это он сказал о том, что нос сунул куда, дескать, не нужно? Вот сейчас возьмёт и скажет: «Ну, а книжечки не собираетесь мне вернуть?»

Однако Антохин снял бинт с Серёгиной руки, потрогал кисть и велел сестре промыть и перевязать рану.

— Отец с матерью дома? — спросил Антохин и, узнав, что Сергей остался вдвоём с бабкой, распорядился: — Сейчас будем раненых кормить. Пообедаешь — и домой, к Дарье, а то она небось слезами вся изошлась.

Ну хотя бы спросил, отчего рана! Преспокойно перешёл к другим, ожидавшим осмотра, распорядился, кого куда, и, свернув сигарку, направился к двери. Уже с порога, стоя вполоборота к Серёге, спросил:

— Вавилов, из школы много ребят в городе осталось?

— Да есть... Одни уехали, а другие, как мы...

— Н-да... Ну ничего, скоро через фронт на Большую землю вас переправим. Моя Лариска у лесника пряталась. Тоже буду снаряжать...

Сергей насупился.

— Я и здесь найду чем заняться!

Антохин рассмеялся:

— Ты парень с характером, это я знаю!

Приподнялся со своего места Журкович:

— Вавилов и вправду молодец. Если бы не он, пропали бы пленные. А он стервеца, который хотел их расстрелять, — гранатой.

— И сам чуть не погиб... — нахмурил брови Антохин. — Война, она не для ребятни. Она и для таких, как мы с тобой, тяжела.

Когда Антохин ушёл, Серёга успокоился.

«Врач — он и есть врач. Ему положено заботиться о здоровье, говорить об осторожности. А принимать меня в партизаны или нет, не он —

Калачёв и Ревок будут решать. А они-то, будьте спокойны, лекций по здравоохранению читать не станут. Автомат в руки — и пошёл. С боем город вырвали у фашистов, силой его надо и держать!..»

Так рассуждал про себя Сергей, когда в больницу влетел Коля. Сбил снег с валенок у порога, рыскнул глазами из угла в угол и, увидев друга, закричал:

— Серый, дело есть!

Серёга ухмыльнулся: дескать, явился — не запылился. К шапочному разбору только и успел, да ещё какое-то дело придумал, когда другие действительно важным делом занимались.

Но вслух этих слов Сергей, конечно, не произнёс. Лишь руку перебинтованную чуть вперёд выставил: погляди, мол, как люди воевали.

Но Колька заморгал ресницами, прямо в лицо Серёге задышал и как будто и не заметил забинтованную руку.

— Понимаешь, я сейчас из типографии. Ну, носил туда обращение, документ такой. По приказанию Калачёва. А в типографии говорят: у нас бумаги ни грамма... Катастрофа! Вот я и надумал: соберём немедленно ребят — и в школу, по домам. Где найдём чистые тетради — все в типографию!

Выпалил одним духом и тут только заметил Серёгин бинт:

— Ух ты, я и забыл! Фролов сказал, что тебя ранило... Случайно? Или кто специально в тебя?

Сергей скосил глаза в угол, где сидел Журкович, увидел, что тот не спит, слушает их разговор, и, как и следовало бойцу, процедил сквозь зубы:

— Да так, пустяк...

Коля облизал губы, обрадовался: у Серёги не рана — пустяк.

— А меня, понимаешь, — покраснел, — мать не пустила...

Сергей ухмыльнулся. Прошёлся не спеша взад и вперёд и сказал:

— Знаешь, Колян, мне сейчас не до тетрадо-чек. У меня дела поважнее твоих.

КОНЧАТЬ МАСКАРАД!

Дни шли за днями, а город не мог нарадоваться приходу своей, Советской власти!

Партизаны вернулись после пяти месяцев разлуки домой, к близким. Задымили бани, захлопотали хозяйки, из последних, из сокровенных запасов выставляли на стол для мужей, сыновей, братьев припасённое съестное.

Многие из тех, кто с боем вошёл в город, не были дедковцами. В октябре ушло из города в лес сто пятьдесят человек, а вернулась вон какая армия! Выросла она за счёт красноармейцев и командиров, попавших в окружение, и жителей посёлков и деревень, которые находились вокруг Дедкова.

Партизаны в каждом доме желанные гости. Их не Мыльников, не райсовет расквартировывал! Как только отшумел на площади митинг в честь освобождения города, старухи, молодые хозяйки, ребятишки потянули бойцов: «Дяденька, к нам...» или: «Сыночек, родненький, живи-ка у нас...»

Нет, никогда — что там за войну, за все довоенные годы! — не слышал город на своих улицах

столько смеха и шуток, не видел столько молодых и сильных мужчин.

На другой день распахнули двери парикмахерская и фотография. И у дверей — толпа.

Объявили всем — и жителям и партизанам: можно писать письма в любой пункт за линией фронта. Рты открыли многие: это как же так, фашисты кругом...

А самолёты на что? Ночью затарахтел «кукурузник», скользя над макушками сосен. Выгрузил самое необходимое: патроны, соль, сахар, спички, газеты, забрал мешок писем и полетел через фронт на Большую землю.

Началась в городе настоящая жизнь. Хорошо, правильно началась!

Однако фашисты не забыли показать свои клыки: спустя два дня после того, как их вышибли, на рассвете попытались взять город в кольцо. Не вышло! Чуть сами не попали в окружение, едва унесли ноги.

Оборона была строго продумана. В городе оставалась только часть партизан, большинство несли службу в специально построенных блиндажах, дзотах, в окопах, опоясывавших город и посёлки. Те, кто был на переднем крае, сменялись, и всё новые и новые гости оказывались в домах, и новые очереди вырастали у парикмахерской и фотографии...

Серёга с утра бежит в центр. Вся ребятня, конечно, здесь: интересно же поглазеть на партизан, поддержать в руках новенький, пахнущий маслом и порохом автомат, потрогать орден или медаль.

У Серёги рука на перевязи, обмотана старым бабушкиным шарфом. Жаль только, уже почти за-

жила! Но не хотелось Серёге расставаться с повязкой. Он перематывал бинты наизнанку, просил бабушку завязывать их с другого конца, чтобы казались новыми.

Пройтись с забинтованной рукой среди партизан — это не то, что попросить разрешения за оружие подержаться. Если рука на перевязи, значит, парень побывал в пекле, знает, что такое пуля. С таким и разговор не снисходительный, а на равных.

Конечно, находились и балагуры, как один в мохнатой заячьей шапке.

— Эй, парень! — окликнул он Серёгу. — Ай за раскалённую сковородку схватился?

«Заячья шапка» загоготал, и вокруг все засмеялись.

Не одного Серёгу зацепила война. Вон и дед Поликарп ходит, опираясь на суковатую палку. В последнюю бомбёжку ему бревном ногу помяло. А сколько раненых отвезли в больницу... «Заячья шапка» об этом знает. Да не всё ж горевать!

Серёге и впрямь для дела надо показаться вот так, с перевязанной рукой, Калачёву или Ревку. Тогда без разговоров — автомат в руки. Дескать, сразу видно — парень обстрелянный... Но вот где сыскать их, главных командиров?

Когда фашисты перешли было в наступление, Серёга мельком видел, как проскакал по площади Калачёв и подался куда-то в сторону Буяновки. Завидно Серёге стало: по полушубку крест-накрест новенькая портупея, конь серый, стройный, как струна...

Ревка Серёга перехватил у штаба. Только хотел обратиться, как Василий Самсонович сам

спрыгнул к Серёге со штабного крыльца, потрепал по плечу: «Молодец, отчаянный парень!» — и тут же понёсся куда-то бегом.

Встретил Серёга на площади и Фролова. Но не сразу его узнал: кубанка с красной ленточкой, на боку — пистолет. Значит, приняли Фролова в отряд. Только, рассудил Серёга, не стоит к нему со своей просьбой соваться — Фролов ведь и сам у партизан вроде бы новичок.

Поздоровались они и расстались. Серёга прошёл всего несколько шагов — ушам не поверил: два партизана между собой в разговоре называли Фролова заместителем Ревка по разведке! До слуха донеслись их слова:

— Это лейтенант Красной Армии Фролов. Настоящий герой. Представь себе, служил будто бы у фашистов полицаем, а на самом деле был нашим разведчиком. Фролов все секретные сведения к нам в лес переправлял. И его друг Романов — тоже. Оба по заданию Калачёва работали в полиции.

Как же Серёга раньше об этом не догадался! Когда Фролов фашистского солдата прикончил, который Сергея арестовал, ясно, что это не случайно вышло. Фролов знал, что Серёга и Колька взяли в кабинете старосты листовки и, конечно, будут их по городу расклеивать. Вот Фролов и решил их охранять, а когда потребовалось, спас Серёгу от неминуемой виселицы.

Переполюбовавшись Серёга — опять нужного человека упустил! Прямо заколдованный круг получается: хочет вступить в партизаны, а ничего не выходит...

Знай кто-либо о Серёгиной печали, посоветовал бы: беги на передовую... Бегал уже! Да только кто

ж его пропустит на линию обороны? На каждой улице патрули, на всех выходах из города заставы. Можно, конечно, проскользнуть, да ведь на передовой нужно ещё Калачёва или Ревка разыскать...

Решил было Серёга отступить на время: рано или поздно вспомнят о нём. Но вдруг Мишку Капусткина встретил.

— Чего как шальной несёшься, Кочанок? Опять в какую-нибудь команду зачислен?

— А то! — задиристо глянул на Серёгу Мишка. — В настоящую, партизанскую! Мне сам Ревок задание дал — переписать всех октябрят и пионеров. Хотя их на партизанское снабжение поставить. Вот!

Серёга даже зубами скрипнул. Надо же, он тут без толку мечется, а Кочанок, оказывается, уже в помощниках у Ревка! Крутанулся на каблуках, чтобы из зависти не наскочить на Мишку, — и за угол парикмахерской.

— Сергей, ты куда? Даже досказать не дал! Я же специально за тобой. Ревок приказал тебя отыскать. Он на почте сейчас...

«Если уж меня приказано найти, — выпятил Серёга грудь колесом, — тут не пионерскими делами пахнет. Только вот шарф с бинтом помеха. Скажут: ранен — и прощай автомат. А ну кончать маскарад!»

Он сдёрнул с руки шарф и спрятал его в карман.

ВЕСЁЛЫЙ ЧЕЛОВЕК КРАЮШИН

Дел у Кольки — только поворачивайся!

С утра от мамы поступают листочки, исписанные её крупным почерком. Это материал в завтрашний номер газеты «Народный мститель»: известия с фронтов, сообщения по стране, политические новости, ну и, конечно, жизнь района, города.

Только сказано обо всём зашифровано. Например, так: «Бойцы партизанского отряда, которым командует товарищ Р., вчера отразили натиск превосходящих сил противника в районе посёлка Л.».

Коля и все, кто живёт здесь, конечно, знают, что речь идёт о недавнем бое, который провёл отряд Ревка в районе Любезны. Наступали фашисты из-за речки Болвы, но их отбросили снова на тот берег.

Почему названия заменены буквами, каждому понятно. Чтобы фашисты не узнали, что «Народный мститель» печатается в Дедкове. И потом: перечислишь фамилии командиров — и выдашь фашистам военную тайну.

Вместе с партизанским наборщиком Фёдором Петровичем Краушиным Коля набирает газету, а потом весь вечер они печатают её на листках из школьных тетрадей — то в линейку, то в клетку, то в две косых.

В типографию приходят и другие ребята: Гришка Захаров, Санька Белый, иногда Капустка прибежит. Но Краушин доверяет им работу лишь на печатном станке. Тут нужна только сила. А вот набор — здесь руки требуются проворные и...

зрячие. Надо работать быстро и точно. Будешь медлить — газета не выйдет в срок. Возьмёшь из кассы не ту букву — появится в газете опечатка!

Все пальцы у Кольки в краске. И лоб, и щёки тоже. Фёдор Петрович подтрунивает:

— Это тебе не стихи писать. Начиркал там всякие слова, а я их набирай. Тут, брат, головой надо работать. — И, взглянув на мечущиеся над ящичками кассы перепачканные тонкие Колины пальцы, добавляет: — Головой и, конечно, руками.

Краюшин весёлый человек, он выглядит молодо, озорно. Лицо у него светлое и глаза светло-голубые, совсем мальчишеские, хотя ему уже двадцать четыре года.

— Помнишь, Коль, — спрашивает он неожиданно, — где мы с тобой этот шрифт откопали? Правда, красивое местечко? Слева роца берёзовая, справа пруд. Так вот я тебе по секрету скажу: кончится война — на этом самом месте, чтобы наша партизанская жизнь не забывалась, такую типографию построим!

Фёдор Петрович и до войны был наборщиком. Уходя с партизанами, взял мешочек шрифта и маленький ручной станок. Это для походов. А станок, на котором они работали сейчас, и шрифт закопал до лучших времён.

— Тебя, Коль, по лету ещё помню, когда ты в редакцию стихи принёс. Не подрос ты за это время. Но мы с тобой и такие, не очень чтобы богатыри, сейчас всем нужны. Кто нас заменит? А война кончится — без поэтов и наборщиков вовсе не обойдётся!

Коля любит слушать Краюшина. За разговора-

ми незаметно летит время, меньше чувствуешь усталость. А дело у них очень важное: каждый день жители района читают свежую газету.

И ещё приятно Коле оттого, что это он, Колька, бумагу для газеты раздобыл. Когда приволок на санках первую кипу тетрадей, Краюшин на радостях даже обнял его.

Тетради Коля собирал по дворам. Не один, конечно. Позвал Капусткина Мишку, Гришку Захарова, Саньку Белого, объяснил, что к чему, и пошла ватага по улицам. Чистых тетрадей набралось сто тридцать три штуки, да ещё пятьдесят одна недописанная, да обоев метров тридцать.

Обои и остатки тетрадей пошли на боевые листки, на приказы и объявления. Например, открылся колбасный цех, и Калачёв распорядился отпечатать объявление: колбасу будут выдавать по количеству человек в семье. То же и о порядке выдачи хлеба. Пекарня-то уже работает!

— Хорошая начинается жизнь! — улыбается Краюшин.

Но сразу помрачнел Краюшин, когда случайно кинул взгляд в угол, где лежали тетрадные записки. Они таяли с каждым днём.

Калачёв говорил, что самолёты скоро забросят бумагу. Но её всё нет и нет. Присылают медикаменты, оружие, патроны. Доставляют с Большой земли продукты, а бумага, видно, ждёт своей очереди.

Но всё равно радостно на душе у Коли. Кажется ему, будто он всю зиму спал и вот теперь только по-настоящему проснулся. Зима была в этом году и метельная, и снежная, и солнечная. Деревья стояли красивые, чисто и празднично наряжен-

ные. Но никто не замечал ничего этого, не думалось о природе. Только теперь, весной, всё так остро будоражит, радует: и капель, и густо-синие полосы на снегах, и вкус смоляного, соснового ветра.

— Скоро ручьи побегут, травка пробьётся, — улыбается Краюшин. — Тогда ещё веселее жизнь будет. Бумага кончится — на берёзовой коре такую начнём газету печатать!.. Не веришь? А ещё поэт! Когда-то на берёсте русские люди целые манускрипты писали, или, по-школьному, сочинения.

— Откуда всё это вам, Фёдор Петрович, известно?

— Так моя же профессия — буквы и строчки, строчки и буквы. А всё вместе — это книги, журналы, газеты. Всё вместе — наука!

«Удивительный человек этот Краюшин, — думает Коля. — Кругом война, а он о будущем рассказывает. Наверное, и стихи пишет... Только неудобно об этом спрашивать. Потом когда-нибудь... Да и газету печатать пора».

Колька набрал статью, поставил её в колонку.

— Ну, — подмигнул Краюшин, — ещё одно, но не последнее сказание... Бери оттиски и беги к матери, пусть ошибки проверит и даст Калачёву подписать. А я тем временем чайку вскипячу. Остался у меня тут неприкосновенный запас, несколько кусков сахара... Ох и запируем мы с тобой, Коля, и Гришку с Санькой чайком побалуем!

«СЛУШАЙТЕ МОСКВУ!..»

Коля так бы и пронёсся по улицам из райисполкома до самой типографии, если бы на углу Бежицкой и Людиновской его не окликнул Серёга.

Будто конь на скаку, остановился, повертел головой во все стороны: почудилось, наверное. Нет Серёги. Глянул вверх, а тот на столбе. Косолапо обнял столб ногами, обутыми в металлические «кошки», привязал себя поясом и что-то там, на самом верху, делает.

— Ты чего? Провод решил снять?

Захохотал Серёга:

— Дурья башка, дело делаю! Сейчас радио включать будем.

Только теперь Коля рассмотрел чёрную четырёхгранную трубу, которую прилаживал к столбу Серёга.

— Ух ты! — не то восхищённо, не то растерянно протянул Колька и рванулся с места, чтобы скорее сообщить Краюшину новость.

— Да погоди ты, делопут! — не скрывая усмешки, остановил его Серёга. — Успеешь ещё со своей газетой. Сейчас я слезу, на радиоузел пойдём.

После разговора в больнице друзья не встречались. Просто некогда было. Особенно Кольке. Но, по правде сказать, Серёга чувствовал, что тогда в больнице он немного обидел Коляна, сказав: «Мне не до твоих тетрадочек...» Да разве Колька какой-нибудь пустяковиной занимается?

Останавливаясь каждый день у витрины «Народного мстителя», напечатанного на тетрадных листках, Серёга с восхищением думал: «Молодец Колян! Нужное это дело!»

Но вот какой упрямый, дурной характер у Серёги! После этих правильных мыслей приходили другие: «Ничего, ничего... Пусть собирают свои тетрадки. А я такое сделаю — все рты разинут!»

Самому противно становилось от этих мыслей. И только когда прибежал в здание почты, почувствовал, что теперь всё пойдёт своим ходом и не надо будет ни перед кем ершиться.

Правда, поначалу Серёга растерялся, хотел даже обидеться на Ревка: уж не смеётся ли тот над ним?

В комнатке, куда вошёл Серёга, он увидел велосипед и большой радиоприёмник. Вокруг них колдуют Ревок и партизанский радист.

— Проходи, — кивнул Серёге Ревок. — Снимай пальто и поддержи-ка динамик, пока я припаяю проводок.

Жало паяльника вонзилось в канифоль, зашипело, и серебристая бусинка олова скатилась на клемму.

— Одной капелькой прихватили. Вот это да! — не скрыл восхищения Сергей. — Не знал, что у вас такие руки...

Василий Самсонович вскинул голову, чтобы убрать со лба нависавшую прядку волос, и озорно подмигнул:

— Про мои руки, говоришь, не знал? А про ноги помнишь?

— Кто ж вашего удара в левый угол ворот не знает?

Играла как-то дедковская сборная против сборной Брянска. Серёга, Зишка — все ребята из школы облепили трибуны и «болели» за своих. Да какое «болели»: конец второго тайма, счёт два — ноль в пользу гостей, а дедковцы играют без капитана. Задержался в командировке Ревок, не поспел к матчу. И вдруг радостно ахнули трибуны: на поле — Василий Ревок! С ходу, один за другим, влетело два мяча в ворота гостей, и оба — в левый верхний. Три — пять высадили брянцев. Вот о каких «ногах» вспомнили сейчас.

Серёга не отрывает глаз от Ревка. Какой у них секретарь райкома комсомола — всё умеет!

Когда после техникума назначили Ревка мастером варочного цеха, цех стал держать первенство по заводу. Избрали секретарём райкома — по всей области пошла слава о дедковских оборонных кружках, о художественной самодеятельности, о спортсменах.

И всё потому, что у Василия Самсоновича упорный характер. А вот он, Серёга, взялся как-то мастерить авиамодель с двумя моторчиками, где-то заело, в чём-то не разобрался по схеме — и забросил. Ребята на смех подняли. Только это и заставило Серёгу довести дело до конца...

Открылась дверь, и Журкович с Иваном Фридриховичем внесли какой-то тяжёлый узел. Развернули мешковину — динамо-машина. Ревок тут же подхватил её и приладил рядом с велосипедом, закреплённым на деревянном верстаке.

— Отличную вы идею подали, Иван Фридрихович, крутить динамо с помощью велосипедной передачи, — сказал партизанский радист. — Садись в седло — и поехали!

— Лавры прошу передать по другому адресу, — засмеялся Иван Фридрихович. — Эта идея принадлежит Василию Самсоновичу.

— А вот и нет! — живо отозвался Ревок. — Не мне, а папанинцам. Помните, как они с помощью такого же устройства вырабатывали электроэнергию на Северном полюсе?.. Мы только первыми в военных условиях заставили велосипед работать на радио. Седьмого ноября «концерт» фашистам устроили! Они как угорелые мечутся прямо у нас под окнами. Калачёв волнуется: как бы, говорит, не обнаружили нас! Да разве немцам догадаться, что радиоцентр в доме самого старосты!..

Вот, оказывается, почему радио в домах говорило! Серёга с друзьями, конечно, догадывались, что это партизаны сделали. Но как и откуда велась передача, Сергей узнал только сейчас. Вот бы Серёге тогда вместе с партизанами оказаться!

— Иван Фридрихович, — спросил Журкович, — говорят, вы динамо-машину у немецкого шофёра выменяли на кусок сала?.. Ловко! Они ведь думали, что вы в будущем настоящим коммерсантом станете. Сегодня — продажа швейных машин, завтра — своя мастерская, а потом — чем чёрт не шутит! — и свой заводик. На собственный аршин вас мерили, гады...

Глаза Ивана Фридриховича потемнели.

— Может быть, и так, Никифор Евдокимович... Может быть, из настоящих шкурников они сделали бы и фабрикантов, и баронов-помещиков. Как до революции. Но только советскому народу они другое готовили. Видели на запасных путях товарный эшелон? Фашисты его пригнали в Дедково, чтобы увезти наших людей к себе в Германию.

И там не коммерсантами, а рабами сделать!.. Во-
время мы освободили город...

Ревок положил паяльник на стол и выпря-
мился.

— Послушайте и, пока идёт война, не забывай-
те слов, которые написала домой в Брянск девуш-
ка Оля Романова. — Ревок вытащил из кармана
письмо. — «Здравствуйте, родная мама, Таня, Лю-
ба, Надя. Нас загнали на два дня в концлагерь в
Урицком посёлке возле Брянска, под коновоем, как
пленных. Потом 12 дней везли. Хлеба по дороге
не давали. Что я взяла с собой, то нам пришлось
есть вдвоём с Марусей... По приезде в Германию
была устроена торговля нами, и нас брали кому
сколько угодно, как рабов. Куда продали Марусю,
не знаю. Работаю с 6 часов утра дотемна. Надо
мной здесь смеются, а я плачу... В общем, мама,
меня продали навечно рабой...»

Ревок поднял глаза от письма:

— Это мы напечатаем листовкой, чтобы все-
все люди, которые томятся под фашистами, знали
правду... А теперь пора, товарищи. Пора радио
включать. Журкович, бери-ка Вавилова да покажи
ему, как укрепить на столбе репродуктор. Обяза-
тельно надо до «Последних известий» успеть...

...Длинная четырёхгранная труба репродукто-
ра висит высоко, так, что люди, останавливаясь,
задирают голову. И Колька смотрит вверх — на
эту трубу и на Серёгу.

— Ну, пошли? — Сергей соскользнул со стол-
ба. — Радиозузел наш посмотришь.

Коля щупает в боковом кармане куртки сло-
женные вчетверо оттиски «Народного мстителя».

— Не могу сейчас... Мы вместе с Краюшиным

придём... после... Честное слово, вот только тираж отпечатаем.

Серёге хочется подойти к Кольке, крепко пожать ему руку и сказать: «Ты настоящий парень, Колян... Тихий с виду. А настоящий...»

Но вместо этого он уже на углу оборачивается:

— Приходи в любое время. А в шесть часов обязательно слушай — на весь город будем транслировать Москву.

КАК ГОТОВИЛСЯ ПОДАРОК...

Столько событий произошло за последнее время! Одно за другим. Что ни день, то новость.

Коля полез за шкаф, вытащил оттуда рулон выцветших листов, на которых делал выписки из стихов, и сшил себе маленькую тетрадку. Всё равно на этой бумаге, в подтёках и кляксах, даже объявления не напечатаешь. А для дневника и стихов книжка в самый раз.

Первую запись Коля сделал 6 марта:

«Будет торжеств. вечер, посвящённый 8 Марта, и я решил подарить М. книгу.

Ура! С. всё-таки взяли туда, куда он так рвался. И по заслугам! Он уже ушёл на ответств. задание с Н. Е. Ж.

З. сообщила, что к нам в Д. прибыл воен. корреспондент центральной газеты. Обязательно надо его увидеть».

Коля сэкономил бумагу, потому и писал так кратко. А имена заменял буквами, потому что была война — мало ли кому могут попасть в руки его записи.

Но эти события стоят того, чтобы сообщить о них более подробно.

Итак, сначала о празднике и подарке. Все праздники хороши. Восьмое марта — особенно.

Обычно в этот день ребята приходили в школу подтянутые, торжественные. Девчата — именинницы — прыскали, видя, как они прячут за спиной подарки.

В этот день считалось обязательным срезать дома фиалки, если у кого расцвели, и принести вазон с геранью на учительский стол. И конечно, всем — и девчатам и учительницам — написать поздравления.

Папа и Коля в этот день дарили маме какую-нибудь красивую вещь. В последнее Восьмое марта перед войной преподнесли ей хрустальную вазу.

А гулянья какие бывали Восьмого марта! В школе — торжественный вечер, в городском Доме культуры тоже. Днём катание на лошадях.

Мама очень любила самое начало весны. Бывало, вернётся из школы, сядет с Колей у окна и рассказывает:

— Вон, смотри, птичка. Самая неприметная вроде, а как разголосилась, что твой соловей! Скок-скок... Трель-трель... Это овсянка. И поёт она, вот послушай: «Покинь сани, возьми воз».

— Мам, — тихо спросит Коля, — ты об этом в книгах читала?

— Об этом примета народная говорит. Вот сейчас птицы отведали первой талой воды-снежницы и оживились. Снежница целебна для всего живого. Смотри, герань на подоконнике и та пышнее в рост пошла. А почему? Я её снежницей напоила.

Сколько знает мама примет, связанных с пер-

выми проталинами, первым ручейком, первым пушистым барашком на вербе... И месяцы она называет по-своему. Март — протальник, апрель — снегон, май — травень...

И нынче март такой, будто никакой войны нет: небо синее и высокое, и на нём, точно паруса сказочных кораблей, пышные белые облака. Зимой никогда не бывает ни таких облаков, ни такого бездонного неба. А будет ли радостным и весёлым, как прежде, Восьмое марта?

Мама сказала, что в Доме культуры будет вечер. Калачёв поручил ей сделать доклад. И не одну уже ночь сидит она с коптилкой, что-то пишет.

Колю осенило: «А что, если набрать красивыми буквами и напечатать праздничное поздравление маме? И лучше в стихах».

Но он тут же отбросил эту мысль. Не имеет права расходовать на личные затеи общественную бумагу. И потом, сейчас все в равном положении — и мама и все-все женщины.

Подарок сам пришёл в руки.

За два дня до праздника в типографию заглянул Антохин. Поздоровался. С любопытством пробежал свежий номер.

— Молодцы, правильно делаете, что каждый день даёте сводку о событиях на фронте: важнее её для наших людей сейчас ничего нет.

Потрогал пальцем набор, сказал, что такова уж привычка хирурга — всё пощупать своими руками. Потом подошёл к Коле, склонившемуся над наборной кассой:

— Тут у меня одна вещица есть... В общем, академическое собрание сочинений Пушкина. —

И Семён Михайлович, развернув бумагу, положил перед Колей книгу в красном переплёте с серебристо-синим обрезом.

— Издание Венгерова! — не открывая книги, уверенно заявил Краюшин.

— Как угадали?

— Семён Михайлович, дорогой, я же печатник...

— Понимаю, понимаю, — улыбнулся доктор. — Я спросил потому, что много моих книг, так сказать, без моего на то соизволения ходило до войны по городу. — И, заметив, как дрогнули длинные Колины ресницы, сам смутился. — Нет, нет, Коля, я не про тех, кто брал книги на чердаке. Моя Лариска много раздала. Даст почитать и забудет забрать. А книги надо ценить! Правда, товарищ Краюшин?.. Так я буду рад, Коля, если ты вот этого Пушкина подаришь маме Восьмого марта.

Семён Михайлович надел шапку, поманил Колю к порогу:

— О том, что я чердак помянул, Сергею Вавилову ни слова... Сейчас не это главное... Важно, что в человеке в конечном итоге берёт верх — дурное или доброе.

...И ДРУГОЙ ПОДАРОК

Солнце опустилось за лес, и стало холодно не на шутку. К тому же Серёга два раза оступился в спрятавшийся под сугробом ручей. Валенки залубенели, по всему телу побежал покалывающий холод.

Теперь партизаны лежали в снегу. Ни пробе-

жаться для согрева, ни даже встать нельзя. Метрах в сорока — железная дорога. По полотну каждые полчаса взад-вперёд проходит фашистский патруль. Пройдут не спеша, остановятся, посветят зажигалками, прикуривая сигареты, и снова — шарк-шарк по шпалам...

Журкович приложил рукавицу ко рту и шумно дышит, согревает посиневший нос. Ушанка накинута на самый лоб — знать, доходит холод до головы, обритой в больнице.

Третий — дядя Егор, приятель Серёгина отца, свернулся клубочком, притулившись спиной к сосенке, и то ли дремлет, то ли задумался глубоко.

Медленно тянется время. Вон и звёзды выпали, кругом тихо-тихо. В Дедкове, наверное, люди ложатся спать. И фашисты на станциях, в своих бревенчатых дзотах, наверное, разуваяются, потягиваются.

Но должны же идти по железной дороге поезда! Хоть бы один! Огромный, гружённый танками и пушками, с вагонами, набитыми солдатнёй. Эх, сейчас бы один такой составчик!..

Серёга проваливается в дрему и тут же, ошарашенно глядя по сторонам, привстаёт на колени.

— Не выспался у бабки на печи? — ворчит Журкович. — Слушай! Кажется, идёт...

И в самом деле из-за поворота доносится ритмичное постукивание, будто кто-то стучит о наковальню молотком, обёрнутым тряпкой. Потом тряпка как бы сползает, и уже бьётся, грохочет железо о железо.

Дядя Егор тоже слушает, приложив для верности ладонь к уху. Поезд?..

И вот вырывается, выпятив грудь, как бегун, готовый разорвать финишную ленту, шумный, тяжело дышащий паровоз. Перед ним две платформы. На тот случай, если партизаны подложат обычную мину, которая срабатывает от первой же тяжести, придавившей её. Но у партизан мина с дистанционным взрывателем. Надо пропустить платформы, паровоз и, только когда состав вползёт на заминированный участок, крутануть ручку электрической машинки, и весь эшелон взлетит на воздух.

Серёга обхватил автомат, резко обернулся, чтобы точно рассчитать, сколько метров придётся бежать по подлеску до густого сосняка, где они оставили лыжи.

«Только зажужжит, только взвизгнет адская машинка — рывком в лес!..» — подготавливает себя Серёга.

Он привстал, обхватил автомат.

«Ну, раз-два...» — считает Сергей и, не досчитав до пяти, срывается с места, потому что взвизгивает, жужжит в руках Журковича электрическая машинка. Серёга продирается через ельник и недоуменно оборачивается: взрыва нет!

Он возвращается туда, где остались Журкович и дядя Егор, и в это время, обдавая грохотом и лязгом, уползает в темень последний вагон.

— Что случилось? — спрашивает Серёга.

— Взрыватель электрический отказал, чёрт его дернул!..

Как же теперь? Неужели встать — и домой? Наверное, каждый из троих задаёт себе сейчас этот вопрос.

Снова тянется время. Прошёл патруль: вспыш-

ка сигареты, сдавленный, спрятанный в воротник шинели смешок...

— Придётся менять запал на ударный, — разводит руками дядя Егор.

— Сам же знаешь, это не то! — сердито говорит Журкович. — Первые пустые платформы взорвутся, а состав будет цел...

Сергей лихорадочно соображает: а если «дёргалку» подвести такую, как они на пасеке приспособляли, когда думали, как гранату у окна старосты взорвать?..

— А патруль? — возражает Журкович. — Идут они, под ноги поглядывают, тут на снегу шнур...

«Да, не годится... — размышляет Серёга и вдруг решается: — А что, если «дёргалку» подвести в тот момент, когда покажется состав? Патруль уже прошёл, паровоз на всех парах. Рывком — к полотну и кубарем — с насыпи, а?.. Была не была!..»

Серёга суёт в карман катушку проволоки, достаёт из жестяной коробки взрыватель с чекой.

В висках стучит от напряжения. Такой в голове разливается шум, что Серёга не слышит даже стука далёкого пока ещё поезда.

— Опять состав! — с досадой говорит Журкович.

Серёга облизывает губы, спрашивает, боясь выдать тревогу:

— Патруль когда проходил?

— Минут десять, а что? — отвечает дядя Егор. Серёга встаёт, раздвигает ёлки и...

— Ну, я рванул к «железке»... Попытаюсь, в общем...

Журкович вскакивает, чтобы удержать Сергея, но тот уже скрылся в ельнике.

— Научил на свою голову детонаторы ставить! — ругается Журкович и, обернувшись к дяде Егору, приказывает: — Пошли за ним, охранять будем. Если что случится, отсечём огнём, будем спасать мальчишку!

ОПЯТЬ ВСЕ ВМЕСТЕ

Коля вошёл в Дом культуры и глазам не поверил: внутри чисто, тепло. Над сценой — плакат, поздравляющий партизанок и всех советских женщин с праздником. А в фойе и зале — уже битком.

Колька стал вертеть шеей, выискивать Зину. Она обещала обязательно быть на вечере и принести патефон с пластинками. Только патефон — это зря! Танцевать Коля не умеет, а Зинка обязательно пригласит его. Когда на Майские праздники собирались у неё всем классом, целый вечер Кольку мучила: то фокстроту, то танго обучала.

Коля выбежал из Дома культуры и столкнулся с Зиной.

— Ну, чего стал? — засмеялась она. — Бери патефон. Я всё-таки дама, и к тому же сегодня наш праздник.

Зинка сбросила в раздевалке пальто и валенки и вышла из-за барьерчика совершенно незнакомой Коле девчонкой — зелёное платье и чёрные туфли так шли к её плотной, красивой фигурке и огненно-золотистым волосам, что Коля на миг оцепенел.

Ему вдруг показалось, что это не Зишка, а какая-то сказочная фея!

Зинка сдвинула два стоявших рядом стула, поставила на них патефон и, пока Колька его заводил, выбрала пластинку. На весь дедковский Дом культуры грянуло:

Он пожарник толковый и ярый,
Он ударник такой деловой...

Заулыбались партизаны. Поставили аккуратно за барьером гардероба свои винтовки и автоматы. Неловкие, чуть мешковатые, они принимали руку своих партнёров и неуверенно двигались в такт музыке.

Коля обхватил правой рукой тонкую талию Зинки. Глядя в её раскрасневшееся лицо, неожиданно спросил:

— Ты не слыхала, корреспондент не обещал быть на вечере?

Зинка первая сказала ему о прилёте корреспондента. Она отправляла с аэродрома на Большую землю раненых и своего отца, тут и увидела корреспондента. Коля пристал к маме: почему не сообщила ему, что из самой Москвы к ним прибыл журналист? Но она была занята подготовкой к вечеру и ответила, что видела журналиста мельком в штабе, а где он сейчас, не знает.

Хорошенькое дело! Специально посылают человека из Москвы, чтобы рассказать о Дедкове, а дедковцы вроде бы и внимания на это не обращают.

К Зине и Коле подошли Ларка Антохина и Капустка.

— Ларочка! — всплеснула руками Зинка. — Да какая же ты стала!

— Без портфеля и книжек не узнать?

— Да я не про то... Как-то ты вытянулась, похудела...

— Ух, да вы ведь не знаете! — вмешался Капустка. — Ларка нашего лётчика спасла. Понимаете, сбили его над лесом, а она его разыскала. И одна ночью побежала в партизанский отряд к отцу. Доктор Антохин прямо в лесу тому лётчику операцию делал...

— Это правда? — выдохнули разом Колька и Зинка.

— Думаете, в очках, так и в лесу заблужусь? — И тут же Лариска призналась: — А вообще страх как трусила! Я ведь змей боюсь...

— Змей? — переспросила Зинка. — Так они же зимой спят.

— Как же я об этом забыла?.. Вот дурёха! А Мишка меня в герои записал! — засмеялась Лариска. — Давайте-ка в зал. Уже все места занимают...

Колина мама вышла на сцену в тёмно-синем строгом костюме, который обычно надевала в школу по торжественным дням. Подошла к трибуне, украшенной еловыми ветками.

— Товарищи! — сказала она. — Сегодня мы с вами отмечаем Международный женский день. Отмечаем в необычной обстановке — в советском городе, находящемся в тылу врага. Празднуем радостно, с полной верой в нашу победу.

И вдруг мамин голос, всегда такой ровный, задрожал. Пересилив волнение, она продолжала:

— Я прочитаю только что принятую по радио

сводку: «С шестого февраля по пятое марта войсками Западного фронта захвачены у противника следующие трофеи...»

Мама перечислила боевую технику, отбитую у врага, сообщила, что в результате наступательных боёв Красной Армии фашисты потеряли сорок тысяч человек убитыми и что наши войска освободили двести шестьдесят три населённых пункта, в том числе Сухиничи, Юхнов, Дорогобуж...

Лавина аплодисментов устремилась из зала на сцену, раскатилась по фойе.

Совсем недавно в День Красной Армии, Дедково ликовало: в районе Старой Руссы окружена и разбита шестнадцатая гитлеровская армия. Это была большая радость. Но освобождение Сухиничей, города, который, считай, совсем рядом, — это радость вдвойне.

Коля вытащил тетрадку, сшитую из синих листков, и стал что-то быстро-быстро в ней писать.

На трибуну уже поднимались один за другим выступающие, и Зина несколько раз, незаметно для соседей, толкнула локтем Кольку: «Оторвись от бумаги, неудобно». Но Коля писал и писал. Только когда на сцену поднялась Дарья Михайловна, бабушка Сергея, он наконец спрятал тетрадку.

Бабушка обвела зал глазами, утёрла их кончиком головного платка и сказала:

— Вот тут выступали наши женщины и говорили, что собрали много тёплых вещей в подарок Красной Армии. Я тоже сдала два полушубка, связала три пары носков. Пусть носят на здоровье наши бойцы и командиры. Только я, как бывшая

работница завода, вот что думаю, товарищи женщины и мужчины... У нас с вами всё есть в родном городе. У нас есть Советская власть. А это — самое главное. Давайте соберём деньги, которые имеются у населения, и переправим их через фронт на строительство танковой колонны «Дедковский партизан»...

Все вскочили со своих мест и громко захлопали.

— Правильно сказала Вавилова! — раздались голоса.

— Записывай, Елена Викторовна, решение. Мы поддерживаем.

Калачёв, сидевший в президиуме, заулыбался и согласно кивнул Елене Викторовне. А потом встал и спустился со сцены.

— Спасибо, Дарья Михайловна, за сердечные слова, — сказал он и поцеловал её.

Опять загудел, зашумел хлопками зал, и долго никто не замечал поднятую Колину руку. Когда постепенно аплодисменты смолкли, Калачёв, уже поднявшийся на сцену, спросил:

— Матрёнин, ты просишь слова?

Колька зажмурился от сотен глаз, которые устремились на него, и быстро пошёл на сцену.

Зал затих. И в этой плотной тишине Коля услышал свой голос, сначала как бы спотыкавшийся, потом ставший увереннее и ровнее:

Враги бегут, поспешно оставляя
Оружье, склады, воинскую честь.
Мы, партизаны брянские, считаем,
Что в тех победах наша доля есть.

Похожие строчки кое-кто читал в листовках. Многие переглянулись. Коля, слегка согнув руку в локте и чуть покачивая ею в такт стихотворному ритму, продолжал:

Когда в лесу советский автоматчик
Бьёт что есть силы гневно по врагам,
Запомни, друг, что это всё в придачу
К разбитым танкам, поездам, полкам...

Он мог декламировать ещё и ещё — в тетрадке у него было много стихов. Но вдруг открылась дверь, и в неё тихо, на цыпочках, прокрался Серёга и сел. Коля кубарем скатился со сцены и, схватив Зинку за руку, потащил за собой.

— Живой! — бросилась к Серёге Зина.

Рядом с ним она увидела Журковича.

— Ну что? Рассказывайте! — потребовала она.

Серёга не успел открыть рта, как Журкович встал и, подтолкнув вперёд Серёгу, вышел с ним на середину зала.

— Дорогие товарищи женщины... Товарищи! — Он заулыбался. — В общем, примите к празднику подарок. На перегоне Батагово — Антоновка в воздух взлетел эшелон с живой силой и техникой фашистов.

— Вот это действительно, ребята, в придачу! В придачу к победам Красной Армии! — крикнула Зина.

И тут она увидела высокого человека в бежевом свитере.

— Колян, ты спрашивал о корреспонденте? Гляди, вот он.

Корреспондент подошёл к ним и сказал так, будто знал их целую вечность:

— А вот вас-то мне и надо...

— Всех нас? — неуверенно переспросил Коля. — Вот про него напишите, про Вавилова. Это он и эшелон взрывал, и, когда город освобождали, пленных спас. Не успел я сегодня прочитать про него стихи...

Колян поспешно раскрыл свою синюю тетрадку и начал:

И вот, когда, казалось, подытожен
Был каждый штрих в движении бойца, —
Презрев опасность, поднялся Серёжа
Навстречу яростной волне свинца:
«Вперёд, товарищи, Отчизна с нами!» —
И сквозь свинцовый дождь рванул вперёд.
Его пример, как богатырь руками,
Поднял с земли бойцов...

— Колян, — Зинка прикрыла ладошкой рот, чтобы не рассмеяться, — ну и выдумщик ты! Тогда, у эмтээсовского гаража, Серёга не кричал «Вперёд, товарищи!» — он упал, а тут партизаны как раз и подоспели.

— Ну и что? — не сдался Коля. — Это же гипербола. Понимаешь, некоторое, если хочешь, преувеличение. В стихах допустимо преувеличение, товарищ корреспондент?

— В данном случае допустимо, — подтвердил корреспондент и засмеялся. — Вот что, ребята, зовите меня Михаилом Алексеевичем.

В фойе кто-то завёл патефон, и Эдит Утёсова опять запела о своём пожарнике.

— Ой, мальчики, они же не знают, где другие пластинки! Михаил Алексеевич, можно, я покажу?

Серёга хлопнул Кольку по плечу:
— Рванули и мы к музыке. Можно?
— Сегодня всё можно. Танцы до упаду! — ска-
зал Михаил Алексеевич.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Днём дороги раскисали. Снежное месиво хлю-
пало под копытами лошадей. Но партизаны пере-
двигались от деревни к деревне, от посёлка к по-
сёлку — собирали деньги на строительство танков.

Мишка Капусткин командовал целым отрядом
ребятни, который назывался пионерской бригадой
имени Красной Армии. Помощником у Капустки-
на — Лариска Антохина.

После того как Мишка по поручению Ревка
разузнал, в каких семьях есть младшие школьни-
ки, отряд получил новое задание: помочь преста-
релым и одиноким, тем, у кого сын или муж по-
гибли в боях.

Каждое утро двое или трое ребят появлялись
во дворах домов, и закипала работа: пилили и ко-
лоли дрова, носили воду, стирали.

Капустка словно светился изнутри. Колобком
катался от дома к дому.

Он чувствовал себя главным, хотя руководила
пионерами Зина, бывший председатель совета пио-
нерского лагеря.

С огромным рвением взялись пионеры за сбор
денег на танковую колонну. Вместе с бабушкой Ва-
виловой и Зиной они обходили дома, аккуратно,
по несколько раз пересчитывали деньги, заносили
в ведомость сумму и выдавали расписки.

Все в городе знали: идут ребята с портфелями, сумками — не в школу спешат, пока ещё школы не работают, а несут они деньги! Несут в райсовет, к Елене Викторовне Матрёниной. Сколько уже набралось плотных, тугих пачек! Там были десятки и трёшки, облигации займов...

Поступали сбережения и из окрестных посёлков и деревень. Особенно много собрали жители Любезны — самого большого после Дедкова населённого пункта в районе. За ними-то и поехала Елена Викторовна.

Её не было весь день. А когда к ночи вернулась ни с чем, привезла весть — фашистский батальон перешёл реку Болву и ворвался на окраину Любезны.

Снять часть партизанских отрядов с круговой обороны города, чтобы помочь любезненскому отряду, Калачёв не решился. А вдруг наступление на Любезну военная хитрость? Бросишься туда, а в спину — ещё более сильный удар. Следовало хорошенько всё продумать и только после этого что-либо предпринимать.

Но собранные в Любезне деньги надо было спасать немедленно. Елена Викторовна только успела узнать, что жители посёлка и окрестных деревень собрали полмиллиона рублей, если не больше, и хранятся они у местной жительницы Лукерьи Ильиничны. Но как их вызволить?

У Ивана Фридриховича родился смелый план, но он не высказал его сразу. Решил: «Утро вечера мудренее». А утром...

...Зина всю ночь дежурила в больнице, а утром за ней пришёл посыльный. В кабинете Калачёва она оказалась среди давно знакомых людей.

За столом Калачёв. Рядом в кресле Иван Фридрихович, Василий Самсонович Ревок рассказывает из угла в угол.

— Как живём-можем? — встал ей навстречу Калачёв и пожал руку. — Об отце справлялись по радио: довели его до Нижнего Тагила, определили в госпиталь. Так что, думаю, всё будет в лучшем виде... А сама-то ты как? Слышал я, пионерией командуешь, а по медицинской части — правая рука Антохина... Не устаёшь?

— Да вроде ничего, — ответила она и подумала: «Зачем это я им понадобилась?»

— Говоркова, — подошёл к ней Ревок, — помнишь, как ты была «дочкой» товарища Калачёва? А теперь хорошо бы тебе стать «внучкой» Ивана Фридриховича.

Зина слушала, напряжённо глядя на Ревка. Какие у него ресницы длинные, и красивые губы, и тонкий, с лёгкой горбинкой нос... Недаром все девчата из её класса были влюблены в Василия Самсоновича.

Сейчас Зина чувствовала, что задание ей собираются дать серьёзное, и потому ответила так, чтобы показать: ко всему готова. В общем, весело ответила:

— Готова быть внучкой Ивана Фридриховича и вашей племянницей! Так я вас поняла?

Ревок рассмеялся:

— Я же вам говорил...

— В общем, Зинаида, — или как тебя ребята зовут? Зишкой? — сказал Калачёв. — Дело такое: надо в Любезне деньги выручать. Хранятся они у

твоей тёти — Лукерьи Ильиничны. Отдать их она может только хорошо известному ей человеку. Так что есть один путь — объявится в Любезне староста с внучкой, а на месте разберётесь, как действовать. Мы понимаем, что дело очень опасное. Давать приказания тебе я не имею права. Хотя сам убедился: ты — храбрая, рассудительная. И товарищ Ревок, и Иван Фридрихович — сама видишь — такого же мнения. Подумай хорошенько... Ну, тогда в путь, дочка!

СОМНЕНИЯ ТЁТИ ЛУШИ

Фашисты!..

Как только вспомнишь о них, мурашки бегут по коже.

Совсем недавно Зина веселилась в Доме культуры на праздничном вечере, а теперь стоит потупившись. Засунула руки в карманы старого пальто и крепко сжала пальцы.

Солдаты проверяют документы. У Ивана Фридриховича — удостоверение с фотографией, выданное ещё фашистами и подтверждающее, что он бургомистр города Дедкова. Иван Фридрихович протягивает солдату бумагу, на которой по-немецки обозначено, что Гертруда Готман — его внучка.

— Бюргермайстер?.. Дедкофф? — переспрашивает солдат.

— Яволь, — отвечает Иван Фридрихович и объясняет, что он и внучка едва-едва успели скрыться от партизан и вот теперь ищут защиты у немецкого командования.

— Дойч? — спрашивает другой солдат. Фамилия немецкая — значит, немец?

— Яволь, — снова кивает Иван Фридрихович. Естественно, мол, господа, так точно, господа...

Пронесло!

Как жарко вдруг стало Зине. Распахнула пальто, зашагала быстрее. Но подумала: радоваться ещё рано. И снова понурилась.

— Зинаида, — услышала за спиной спокойный голос Ивана Фридриховича, — иди рядом с любимым дедушкой.

«Крепкие нервы у Ивана Фридриховича», — подумала Зина.

И тут же её мысли переключились на Ревка. Как он там, один?

Василий Самсонович провёл по оврагу Ивана Фридриховича и Зину, через передний край партизанской обороны, и вывел на дорогу, которая соединяла Любезну и Лободище. Теперь «староста» и «внучка» могли утверждать, что, пока в городе были партизаны, они скрывались в деревнях во-круг Лободищ. Прослышав, что Любезна снова в руках германских войск, они направились сюда.

Ревок знал, где дом Лукерьи Ильиничны. Договорились, что он будет ожидать Ивана Фридриховича и Зину неподалёку, в овраге. Этим оврагом можно уйти из Любезны, миновав часовых.

В Любезне их снова остановил патруль. Проверив документы, солдаты показали на двухэтажное здание школы, где размещалась комендатура и куда им непременно надо было зайти, чтобы представиться коменданту.

Зина заметила, что Иван Фридрихович впервые заколебался. Он остановился, вздохнул и,

вынув из бокового кармана своей «тройки» чистый носовой платок, неторопливо, аккуратно протёр пенсне.

Он размышлял, идти ли им вместе в комендатуру, или идти ему одному, а Зинаиду отправить в разведку, к дому тёти Луши.

Он сказал об этом Зине, и они решили: Зина пойдёт в разведку. Солдаты вряд ли её остановят — мало ли девчат ходит по посёлку!

Поход в комендатуру завершился вполне благополучно, и Зина, увидев приближающегося Ивана Фридриховича, с неподдельной радостью, как и положено внучке, бросилась ему на шею.

— Остановимся вот в этом доме, — показал Иван Фридрихович на двор Лукерьи Ильиничны. — Герр комендант оказался любезным офицером и даже отрядил со мной в провожатые солдата.

Лукерья Ильинична обняла и расцеловала Зину.

— Рассказывай, как папа, как ты? А это кто с тобой?

Лукерья Ильинична, не спуская глаз с Ивана Фридриховича, присела на скамейку.

Таиться больше было нельзя — хозяйка узнала Готмана.

— Лукерья Ильинична, — начал он, — вы, вижу, знаете меня. Я был старостой в Дедкове. Поэтому-то меня и провожал солдат... Только скажу вам честно, старостой я был не по своей воле, по поручению командования наших партизанских отрядов. А сейчас оно послало меня к вам, за деньгами, которые собраны для Красной Армии. Мы их переправим в Дедково...

— Так... — произнесла тётя Луша и пристально посмотрела Зине в лицо.

«Неужели Зина могла согласиться на провокацию? — испуганно подумала тётя Луша. — Нет, не ожидала я этого от племянницы, не ожидала... Кто же её на родную тётку натравил?»

И вслух твёрдо сказала:

— Нет у меня никаких денег!..

Зина растерянно глянула на Ивана Фридриховича.

— Тётя Луша! Родненькая! Да как вы можете мне не верить? Разве я могу продаться врагам? Взгляните мне в глаза, ну взгляните...

Но тётя Луша опустила голову и заплакала.

В такой переплёт Лукерья Ильинична ещё никогда не попадала: вдруг своими руками отдаст деньги врагам, выдаст с головой себя и погубит всё дело? Нет, такому не бывать!..

В тишине громко тикали ходики да пиликали за стеной сверчки... Но вдруг где-то за огородами стрекотнуло резко и коротко, словно кто-то отди-
рал от забора доску с гвоздями. А потом ещё и ещё, уже ближе, зачастила стрельба. И в тот же миг под самыми окнами дома, размётывая грязный снег, промчалось несколько мотоциклов.

Зина тревожно глянула на Ивана Фридриховича, на тётю Лушу.

Снова застрекотали автоматы, а потом звонко хлопнул тугой взрыв.

«Ревок! — мелькнула догадка. — Обнаружили его, сволочи!»

И когда с рёвом остановились у дома мотоциклы, затопали на крыльце, требовательно загрохо-

тали кулаками в дверь, сомнений уже не было — что-то стряслось с Василием Самсоновичем...

Иван Фридрихович кивком указал Зине на другую комнату, вход в которую закрывала занавеска, и спокойно сказал Лукерье Ильиничне:

— Откройте. Наверно, какое-то недоразумение.

ГЕРТРУДА СНОВА ЗИНА

В дом ворвались четверо: двое в форме фельд-жандармерии с серпообразными бляхами на груди, стройный, молодой офицер и человек, одетый в грязный короткий бушлат.

Иван Фридрихович встал и сказал по-русски:

— Милости просим.

Офицер нетерпеливо перевёл взгляд с Ивана Фридриховича на человека в бушлате.

— Он! Он самый, герр офицер. Я же его тыщу раз вот так близко видел...

В щёлочку Зина видела Подсадилу — отъявленного пьянчугу, которого знало всё Дедково. Это был мерзкий человечиска, недаром дали ему такое прозвище.

Он был в числе предателей, которые подали Ивану Фридриховичу заявление о зачислении их в дедковскую полицию. Когда партизаны освободили город, всех этих выродков арестовали. Как же недоглядели за этим оборотнем?

Сейчас всё зависело от того, что знал этот негодяй об Иване Фридриховиче и почему он привёл фашистов в дом Лукерьи Ильиничны?

Офицер щёлкнул пальцами, и жандармы поспешно скрылись за дверью.

— Всем смойтрейт! — ещё раз щёлкнув пальцами, приказал офицер.

Жандармы втащили тело Ревка.

Лукерья Ильинична пошатнулась. Зина всё видела в щёлочку занавески и даже задержала дыхание, чтобы не вскрикнуть, не выдать себя.

— Кто? Кто он?.. Кто знайт бандит? — Офицер в упор смотрел на Ивана Фридриховича.

— Простите, тут какое-то недоразумение, — сказал Иван Фридрихович по-русски, видимо, чтобы понял Подсадила. Потом он перешёл на немецкий язык.

Иван Фридрихович вынул платок и бумагу, выданную Черепом — Ключе, протёр пенсне и, положив платок на стол, протянул своё удостоверение офицеру.

— Липа это, герр лейтенант! — рванулся к офицеру Подсадила. — Это партизан! Я сам видел его в партизанском штабе вместе с вот этим комсомольским секретарём!.. — Злобно крикнул Ивану Фридриховичу: — Думал меня чекистам отдать, да сам же со своим комсомольским коммунистом и попался! Десятерых уложил твой коммунист, а сам живым не дался. Но ничего, они его и мёртвого вместе с тобой вздёрнут на виселицу!

Офицер заложил руки в лайковых перчатках за спину.

— Значит, этот человек вы никто не знайт? — показал он на Ревка. — Тогда другие будут знайт. А фас будет вешайт.

И офицер приказал Ивану Фридриховичу следовать за жандармами.

— Господи! — всплеснула руками Лукерья Ильинична, когда все вышли из комнаты. — Мой

младшенький, Федя, был его дружок. Ревок, значит, в Дедкове по комсомолу, а мой здесь, в Любезне... У нас часто бывал. И вот как свиделись с тобой, родненький, в последний раз...

Лукерья Ильинична заплакала и обняла Зину.

— Как же я-то могла о тебе плохое подумать?

Зина тоже заплакала. Но тут же вскочила и взяла со стола платок Ивана Фридриховича. Из платка выпал бланк, заполненный на Гертруду Готман. Она схватила бумажку и подумала: «Это Иван Фридрихович нарочно оставил. Он меня спас. Теперь я одна могу довести дело до конца».

К дому снова направились солдаты.

— Раус! Выходи! — крикнул один из них, стукнув в окно.

— Сиди, не выглядывай! — приказала Зине Лукерья Ильинична, закутываясь в платок. — Если что, мешок с деньгами в погреб.

Зина шмыгнула в соседнюю комнату. Она выглянула из-за шторы на улицу. На дороге стояли сани.

К саням подогнали старуху с двумя детишками — лет восьми и десяти. Она посмотрела туда, куда ей показывал офицер, и отрицательно мотнула головой. Потом ей указали на Ивана Фридриховича, который стоял рядом с санями. И опять тот же жест. Подвели ещё двоих — мужчину и женщину. И те, постояв у саней, пожали плечами.

«Ревка и Ивана Фридриховича хотят опознать! — догадалась Зина. — Чтобы кто-то ещё подтвердил донос Подсадилы, что Ревок и Иван Фридрихович — заодно. Неужели кто-нибудь струсит и выдаст? Их ведь все в районе знают».

Люди подходили, но ни один не признал

убитого. Это было молчаливое прощание с комсомольским вожаком, коммунистом и партизаном. И никто не выдал Ивана Фридриховича, стоявшего без шапки, со связанными руками.

Зина привстала на цыпочки, осторожно приоткрыла форточку, и сразу в комнату ворвался резкий крик офицера:

— Спрашивайте ещё раз: кто знает партизана и кто знает этот старик?

Толпа замерла.

— Кто тебя посылает? — крикнул офицер Ивану Фридриховичу.

Иван Фридрихович стоял прямо, лицо его было сурово и неподвижно. Только лёгкая седая прядка волос колыхалась от порывов ветра.

— Считайте три!.. — взвизгнул офицер. — Кто тебя посылает Любезна?.. Раз!

Офицер раздражённо хлестнул перчаткой по своим сапогам, потом ещё и ещё раз.

— Вешай! — закричал офицер. — Именем германской армии — вешай!

На Ивана Фридриховича сзади навалились жандармы, и в это время он что-то сказал по-немецки.

— Люди русские, советские люди! — обратился ко всем Иван Фридрихович. — Наверное, многие из вас знают меня. Да, я немец. Но я сказал сейчас фашисту: я советский человек, а они палачи и фашисты. Так бейте же их, люди!..

И снова сказал что-то по-немецки. Офицер схватил пистолет.

Зина отпрянула от окна и услышала два — один за другим — выстрела.

Опрометью бросилась она в подвал и выволокла

ла мешок. Накинула пальто, платок и выскочила во двор.

«Сейчас, только сейчас! — сказала она себе. — Там, на площади, наверное, все солдаты, которые есть в посёлке. Пока они разберутся, я уже буду за оврагом. Только скорее, скорее!..»

Сколько она ползла с тяжёлым мешком, Зина не помнит. Давно уже стемнело, холод прожигал насквозь. Пальто и мешок намокли, были покрыты грязью. Но особенно жгло руки, изрезанные колючими комьями снега. Зина выбилась из сил. И вдруг услышала голос Серёжи:

— Зишь, вставай! Это я... Это мы...

Открыла глаза и увидела над собой Серёгу и Калачёва.

— Одна? — спросил Калачёв, прижимая закатенувшую Зинаиду к своей груди.

Зина, уткнувшись в тёплый мех калачёвского полушубка, громко зарыдала...

Часть вторая

«ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРОДЕРЖАТЬСЯ!»

Положение в районе с каждым днём становилось всё опаснее. Ефрейтор, которого взяли под Любезной, рассказал: переброшены гарнизоны из Жуковки и Дубровки, чтобы захватить или зажать в кольцо Дедково.

— Видал, какие храбрецы? — сказал Калачёв Михаилу Алексеевичу, корреспонденту из Москвы. — Или «захватить», или на крайний случай

«взять в кольцо»! Понимают, что мы крепкий орешек. Ты уж так и передай на Большой земле командованию: пусть бьют их крепче на фронте. А мы не отдадим фашистам город. Дудки!

Михаилу Алексеевичу вышел срок улетать на Большую землю. Надо было доставить в Москву статью для газеты о партизанском крае и отвезти миллион двести тысяч рублей, собранных для танковой колонны.

Калачёв, прощаясь с Михаилом Алексеевичем, вручил ему два больших рюкзака, в которых аккуратными пачками лежали деньги и облигации.

— Сдашь в Москве всё это в Госбанк, — сказал Калачёв, — вместо расписки пришлешь газету со своей статьёй. И проследи, чтобы один танк — очень хочется — назвали «Партизан Василий Ревок», а второй — в память об Иване Фридриховиче.

Они обнялись. Михаил Алексеевич, взвалив на спину драгоценный рюкзак и подхватив автомат, вышел за дверь.

Корреспондента поджидал партизан, который должен был сопровождать его до аэродрома и доставить второй мешок. И ждал Коля, которому никто не поручал провожать Михаила Алексеевича.

Михаил Алексеевич сразу догадался о намерениях Матрёнина и, потрепав его по обросшей голове, сказал:

— Ну что ж, пойдём, если ты свободен!

Солнце светило ярко и щедро. Снег сошёл, и только кое-где под разлапистыми ёлками прятались сугробы. Но и им уже никуда не деться

от всё жарче и жарче припекавшего солнышка.

После разговора с Краюшиным о берёсте, на которой когда-то писались книги, Коля нередко уходил в берёзовую рощу. Он осторожно подсекал кору. Нет, он делал это не только затем, чтобы напиться сладкого и освежающего берёзового сока, но и чтобы проверить, готова ли кора.

Коля попросил у доктора Антохина разрешения покопаться в его библиотеке и нашёл то, что искал, — книгу о деревьях. Там было сказано, что по ранней весне кора берёзы наиболее эластична, не ломается, не рвётся. Поэтому-то в эту пору её и заготавливают. Берёста состоит из тонких, гладких полупрозрачных слоёв. Из неё гонят дёготь, делают корзины, короба и туеса, употребляют для изоляции строений от сырости.

Но о том, что на берёсте можно писать, не было сказано. Коля расстроился, но тут взгляд его упал на книгу с золотыми буквами на корешке. Это был «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, изданный в 1891 году.

В одном из томов Коля нашёл слово «берёста». В статье было всё, что он уже знал о берёзовой коре. Но заканчивалась она так: «У нас на севере берёста употреблялась вместо писчей бумаги. В Императорской Санкт-Петербургской публичной и Парижской национальной библиотеках хранятся некоторые рукописи на берёсте».

«Краюшин не мог ошибиться! — обрадовался Коля. — Он знает всё на свете».

В этот же день Коля вырезал не очень широкую полоску берёсты и принёс её в типографию. Взял в руки верстатку.

Что же он наберёт? Стихи? Какую-нибудь небольшую статью?

Из клеток наборной кассы на него смотрели строчные и прописные — заглавные — буквы. Он привык при наборе заменять прописными литерами названия населённых пунктов, фамилии командиров и партизан. Ввиду военной тайны! Но этот способ для его затеи не годился. Он вспомнил, что радисты, прежде чем передать радиограмму на Большую землю, зашифровывают её секретным кодом при помощи цифр. А как, он, конечно, не знал. Ничего, он изобретёт свой шифр и засекретит своих друзей Серёгу и Зину, пусть о них когда-нибудь узнают все люди на земле!

Так и сделал Коля. И теперь, провожая Михаила Алексеевича, он решил передать корреспонденту свою берёсту.

Когда углубились в лес, провожатый сказал: — Отдохните, товарищ корреспондент, немного, а я проскочу за полянку, посмотрю, что и как... Отсюда до аэродрома рукой подать.

— Значит, уезжаете, — вздохнул Коля.

— Уезжаю, Коля, — тоже почему-то вздохнул корреспондент.

— Возьмите вот на память. — Коля протянул Михаилу Алексеевичу кусок берёсты, на которой были чётко напечатаны какие-то цифры.

Михаил Алексеевич развернул свиток.

— Ничего не понимаю. Сплошная бухгалтерия. Что за шарада?

— А это шифр, Михаил Алексеевич, — объяснил Коля. — Семь, девять, одиннадцать, девять. Седьмая какая по счёту буква в алфавите? Ж. Девятая — И. Одиннадцатая — Л. И снова девят-

ка — И. Получается слово «жили». «Жили в Дедкове в тылу врага партизаны Сергей Вавилов и Зинаида Говоркова» — вот что тут написано.

— Разве только двое хороших ребят в Дедкове? — спросил корреспондент.

— Почему же? — смутился Коля. — Но о них люди должны знать в первую очередь. Я даю вам эту берёсту, чтобы вы их не забыли. А там сами решайте, писать про них или нет. Напишите, всё равно ведь зашифруете имена. И Дедково будет называться у вас город Д.

Михаил Алексеевич положил в карман свёрнутую трубочкой берёсту.

— Нет, Коля. Город я назову городом Партизанском. А твою берестяную грамоту расшифруем после войны, когда уже не будет военной тайны... Ну, давай руку, Николай. Вон возвращается наш провожатый.

Коля глянул в ту сторону, куда смотрел корреспондент, и увидел, как через поляну, пригибаясь, проскочил кто-то, за ним — другой. И тотчас оттуда, из густого ельника, над головами Михаила Алексеевича и Коляна зажужжали пули, сбивая сучки.

— Ложись! — раздался голос партизана, который их сопровождал.

Михаил Алексеевич взвёл затвор автомата и выпустил короткую очередь по ельнику. Раздались ответные выстрелы, и одна из пуль впиалась в ствол сосны, за которой спрятался Колька.

Коля оглянулся и увидел, как набухает тёмным пятном рукав куртки Михаила Алексеевича.

— Вы ранены? — крикнул Коля и привстал, чтобы броситься на помощь.

— На место! — остановил его Михаил Алексеевич и, вытащив пистолет из кобуры, бросил его Коле. — Только не спеши.

Коля схватил пистолет, растерянно сжал его в руке.

«Э, да он не знает, как с ним обращаться!» — подумал Михаил Алексеевич.

— Коля, — сказал он тихо, — возьми пистолет в правую руку, левой отведи назад каретку... Вот так... Он заряжен. Теперь надо прицелиться и нажать спуск.

Снова, жужжа, сыпануло в ствол сосны. С деревьев сорвались и полетели врассыпную птицы.

Коля перевёл взгляд на небо, голубое и солнечное. Небо было спокойным. Оно как бы говорило Коле: «Самолёт не уйдёт без того, что он должен доставить на Большую землю... Вам надо продержаться. Обязательно продержаться...»

ВЫЛЕТ НЕ ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ

Выстрелы смолкли. Михаил Алексеевич осторожно высунул голову из-за сосны и оглядел берёзовую рощицу, откуда стреляли фашисты.

— Прогнали их партизаны, — сказал Михаил Алексеевич. — Вставай, Коля. Теперь можно идти.

— У вас же куртка прострелена. И вот... — Коля показал на тёмное пятно чуть ниже плеча. — Это же кровь. Обязательно надо перевязать.

Корреспондент стянул свою лётную куртку. Пуля, к счастью, только обожгла кожу, но кровь из ранки сочилась.

Коля обмотал рану бинтом и завязал его крепко, на два узла.

Стараясь не наступать на сухие сучья, оглядываясь по сторонам, они прошли уже метров тридцать. Никаких партизан не было. Откуда же кричал им провожатый? Обошли кусты слева, справа и рядом с молодой ёлочкой увидели человека, который лежал на боку, неестественно заломив руки за голову. Коля отшатнулся: на затылке и на ладонях человека спёкшиеся сгустки крови.

— Наш провожатый, — снял с головы шапку Михаил Алексеевич. — Я даже не спросил, как его зовут.

Коля обернулся. У него закружилась голова и во рту собралась липкая, густая слюна. Он почувствовал, как вспотели ладони.

— Михаил Алексеевич, надо идти.

— Да, пора возвращаться.

— Куда? В город? Вы меня не так поняли. Вас же ждут на аэродроме. А дорогу... Дорогу я сам покажу — через Гусиное болото. Я эти места знаю. Здесь недалеко был наш пионерский лагерь...

Положение оказалось не простым. На что решиться? Михаил Алексеевич боялся за Колю. Боялся, вдруг не выполнит задание и деньги попадут к врагам. И самому, конечно, не хотелось погибать зазря... Сколько немцев сейчас в лесу, не напорются ли они на новую засаду? Нет, надо довериться Коле. Лучше пройти болотом, лучше идти вперёд...

Сначала они шли по сухим кочкам. Потом под ногами стало хлюпать и открылись чёрные, гнилые разводья. Коля не удержался и, неловко

взмахнув руками, упал. В сапогах Михаила Алексеевича было полно воды. Когда они снова выбрались на сухое, увидели посадочную площадку и недалеко от неё избушку, от которой навстречу им спешили партизаны.

— Промок? — По голосу чувствовалось, что Михаил Алексеевич повеселел.

— Грязный, как чучело. Боюсь, мама ругать станет, — признался Коля, опутив пушистые ресницы.

— Ничего, обсохнешь, почистишься и вечером с кем-нибудь из партизан тронешься домой. А я передам твоей маме записку, что ты выполнял ответственное задание. Чтобы не очень сердчала...

Партизаны высушили в избушке гостей, напоили их чаем. Начало смеркаться. Лётчик, нервно покуривая, видимо, ждал полной темноты. Маленький двухместный самолёт освободили от вето, которыми он был замаскирован. Мешки с деньгами уложили в кабину.

— И откуда они появились, враги? — сказал партизан, видимо, старший аэродромной охраны. — Вокруг ведь наши дозоры. Но просочились, гады... Наверняка хотят найти наш аэродром. Интересно, много ли их?..

Он не успел закончить фразу, как из леса, огибавшего взлётное поле, взвились две белые ракеты. И тотчас рассыпалась тяжёлая дробь пулемёта. Ей сразу ответили автоматы, забухали миномёты. Одна мина взорвалась совсем близко от самолёта.

— По местам! — выкрикнул старший охраны, и человек десять партизан, выбежав из избуш-

ки, бросились к лесу, где их товарищи уже вели бой с фашистами.

— Взлетаем, товарищ корреспондент. Немедленно взлетаем! — Быстро застегнув шлем, пилот вскарабкался в кабину.

Из-за выстрелов не было слышно, как чихнул, потом затарахтел мотор. Но Коля увидел, как завертелся пропеллер. Со стороны леса к самолёту бежало несколько человек, стреляя из автоматов.

Это были фашисты. Их можно было определить по силуэтам — почти квадратные каски и горбатые ранцы за спинами.

Цвик... Цвик... Звонящий посвист пуль становился всё ближе.

Михаил Алексеевич посмотрел на Колю, потом быстро перевёл взгляд в сторону самолёта.

— Давай в кабину! — приказал он.

Но Коля, оглядываясь по сторонам, всё ещё стоял на месте.

«Куда в кабину? Зачем? — думал он. — Ведь самолёт должен лететь через фронт. Лететь на Большую землю. Мне ведь не надо туда. Я дома, я у себя...»

Вдруг он почувствовал, как его обхватили сильные руки Михаила Алексеевича.

— Влезай! — тяжело дыша, прокричал Михаил Алексеевич и, втолкнув Колю в кабину, вскочил следом за ним.

Самолёт медленно тронулся и, с каждой секундой всё убыстряя и убыстряя ход, побежал по полю.

К нему наперерез спешили немцы. Мгновение — и самолёт поравнялся с ними, ещё не отор-

вавшись от земли. Но пилот дал газ, и машина почти над самыми головами солдат устремилась в воздух.

Коля заткнул пальцами уши, чтобы не слышать скрежета и лязга, которые раздавались со всех сторон. Казалось, что самолёт прорывается не через воздух, а через какие-то грохочущие огромные листы металла.

Самолёт трянуло, бросило вниз, но он тут же выровнялся, и снизу надвинулась сплошная чернота.

Они уже шли над лесом, и море сосен, ёлок и берёз теперь надёжно укрыло самолёт от преследования с земли.

— Жив? — крикнул Михаил Алексеевич и крепче обнял Колю за плечи.

Им было тесно вдвоём на одном месте. Только теперь Коля понял, что сидит на коленях у корреспондента. Но они были живы, и это было самое главное. Жив был пилот, спину которого видел перед собой Колян. Был жив их спаситель — самолёт, нёсший их к фронту.

Коля глядел вниз, надеясь увидеть то, что все называли передним краем, фронтом или линией обороны. Он не представлял, как всё это выглядит сверху, но ему казалось, что обязательно должны быть внизу какие-то огни, вспышки с нашей и с немецкой стороны. Но на земле по-прежнему было чернильно-черно. И когда пилот взял ракетницу и выстрелил в небо, Коля понял: они у своих, они уже по другую сторону фронта.

Самолёт запрыгал по земле, сбавляя скорость. И когда он остановился, Коля увидел, что к ним бежали люди. Бежали красноармейцы...

ЕСЛИ БЫ НЕ СЕРЁГА...

О нападении на партизанский аэродром в Дедкове узнали утром. Фашисты перерезали телефонный провод, и сообщение поступило от оставшихся в живых партизан, которые после боя добрались до города. Не удержался взвод охраны аэродрома против роты фашистов, вооружённых до зубов. Теперь враг укрепился, на партизанской земле роет траншеи, строит дзоты.

Калачёв потёр лоб, собравшийся гармошкой от бессонных ночей, задумался.

Каких-нибудь два месяца назад, в морозном феврале, когда партизаны решили освободить город, все были уверены: пройдёт два, три, пять дней, ну неделя, и подоспеет Красная Армия. Всего пятьдесят километров отделяло Дедково от линии фронта. Казалось, стоит лишь поднажать красноармейцам с фронта, а партизанам с тыла, и покатится от Дедкова на запад гитлеровское войско.

Но война вносит поправки даже в самые точные расчёты. Устали наши бойцы, наступила весенняя распутица, да и немцы, опомнившись, перешли к обороне. Вот и остался маленьким островком в фашистском тылу советский город Дедково. На север, на юг, запад и восток — куда ни глянь — фашистские войска. Город в сплошном огненном кольце. Как же ему устоять, как продержаться до подхода советских войск?

Об этом думали Калачёв и командиры партизанских отрядов. Максим Степанович понимал, какую ответственность взяли на себя коммунисты района.

Пока наши войска наступали по всему фронту, у немцев не было сил, чтобы отбить, отобрать у партизан город. Но теперь подтянули враги гарнизоны из посёлков Жуковки и Дубровки и захватили Любезну. Откуда-то ещё перебросили войска — и уже под самым городом, уже на аэродроме.

Аэродром надо было отбить. Обязательно отбить! Аэродром — это жизнь. К нему протягивалась единственная пока ниточка, которая связывала Дедково с Большой землёй. Не полетят через фронт самолёты — значит, иссякнут у партизан боеприпасы, продукты, лекарства для раненых. Да и самих раненых нельзя будет отправить в тыл на лечение. Вот почему в Дедкове решили: «Вернём аэродром!»

Штурмовой отряд, которым командовал Журкович, ночью вошёл в лес и скрытно расположился на опушке. Линия обороны немцев проходила по ту сторону поляны, с которой два дня назад взлетел самолёт с Колей и Михаилом Алексеевичем.

Серёжка Вавилов лежал на земле рядом с Журковичем и дядей Егором. Он знал, что их отряд должен подняться в атаку, когда слева, в обход вражеской обороны, по фашистам ударит группа Фролова. Того самого бывшего «полицейского», а на самом деле лейтенанта-разведчика Красной Армии, который спас зимой Серёгу.

От земли тянуло сыростью. И Сергей то и дело поворачивался с боку на бок, чтобы как-то согреться.

— Сергей, — окликнул его дядя Егор, — ты

почему не подстелил под себя плащ-палатку? Простудишься ведь.

— Забыл захватить, — отозвался Серёга.

— Эх ты, солдат называется! — вздохнул дядя Егор. — Пододвигайся-ка ко мне. Я на шинели лежу, места хватит... А начнётся бой, от меня ни на шаг. А то мало ли что с тобой может случиться...

Обернулся Журкович:

— Отставить разговорчики! Я тебе, Сергей, такой бой покажу, что своих не узнаешь! Приказано тебе: быть у меня связным и никого другого не слушать. Ясно?

Журкович старался никуда не отпускать от себя Сергея. После того как они взорвали вражеский эшелон, Журкович с восхищением говорил о Серёге:

— Отчаянный парень. Заменить детонатор в mine, когда паровоз уже рядом, — за это орден бы Серёге на грудь!

Услышал Калачёв, согласился:

— Ты прав, Никифор: взрослые и подростки — все заодно. Только мы в первую очередь должны думать о тех, кто моложе нас. Даже и в войну.

Всё сделали партизаны, что могли, для ребятни. Самых маленьких отправили самолётами за Урал, в Ташкент и Алма-Ату. Взяли на учёт и школьников. Придёт пора — тоже переправят через фронт. Только когда придёт? Всё плотнее сжимается вражеское кольцо вокруг Дедкова...

Впереди бухнуло раз, другой. И сразу же левый край немецкой обороны озарился вспышками пулемётных и автоматных очередей.

— Ползком вперёд! — негромко скомандовал Журкович.

И по его команде, передаваемой по цепи, партизаны стали бесшумно выдвигаться из леса.

Когда до окопов оставалось совсем немного, поднялись в рост. Полетели в фашистов гранаты, вспороли воздух выстрелы.

Серёга следом за Журковичем кубарем скатился в окоп. Пробежал вперёд ходом сообщения, коротко стрекотнув из своего ППП. По всей линии немецкой обороны неслось дружное партизанское «ура!».

Журкович, не пригибаясь, хотя был на голову выше других, побежал по траншее. А наперерез ему — фашист с ручным пулемётом.

Не видит Журкович фашиста. Что делать? Закричи — не обернётся: такая кругом пальба.

Эх, была не была! Серёга вывернулся из-за спины Журковича, с разбегу на колени — и на мушку того фашиста. А ствол пулемёта делится поперёк Сергея, прямо Журковичу в грудь. Серёгин палец придавил спусковую скобу ППП.

Тра-та-та-та... Ударил сноп искр из дула, и с дзеньканьем у правого Серёгина уха рассыпался веер стреляных гильз.

Серёга поднял немецкий пулемёт и перешагнул через убитого фашиста.

Теперь он бежал впереди Журковича. И хорошо ему было слышать в промежутках между выстрелами, как дышит сзади Никифор Евдокимович.

Что ещё было, что видел Серёга? Партизаны подорвали дзот — последний опорный пункт врага. И как-то сразу стало стихать вокруг.

— Аэродром — наш! — крикнул дядя Егор. Он влез на бруствер и стал радостно размахивать над головой автоматом.

И понеслось над поляной:

— По-бе-да!..

Серёга тоже выбрался из окопа и радостно завопил:

— Ур-ра!..

Он кричал так азартно, что не сразу почувствовал, что кто-то ухватил его за плечи и прижал к себе. Поднял голову — Журкович. Но какое-то странное у него лицо: точно одеревенело оно. И только глаза почему-то лучатся.

Журкович провёл рукавом по лицу. И блеск в глазах исчез. Зато вокруг них и на щеках остались грязные полосы.

— Что с вами, Никифор Евдокимович? — удивился Серёга. — Отчего это вы...

Журкович отвернулся.

— Тебе показалось... Просто мне в глаз песок попал...

Эх, Серёга, разве уж трудно самому догадаться? Слезу может и радость вызвать. А Журкович жизни радуется. Помнишь того фашиста с пулемётом? Если б не ты тогда...

НИКОМУ НИ СЛОВА

Все, кто участвовал в ночном бою, получили отпуск. Возликовали партизаны: хотя и воюют у родного порога, бывают дома не часто. Ночи коротают в дозоре или боевом охранении, спят в деревянных блиндажах и окопах. А тут на целых

три дня отпустили — отсыпайся, в хозяйстве порядок наводи, семье помогай.

Дядя Егор размечтался:

— Первым делом баньку истоплю. Приходи, Серёга, с берёзовым веничком попаримся!

Серёга все необходимые домашние дела исполнил мигом: дров бабушке наколот, на крышу заплату из досок приладил, чтобы не протекала, картошку в погребе перебрал. Вроде бы сделал всё. И заскучал.

Уже на второй день побежал к штабу: может, чего новенького разузнает, может, окажется кому-то нужным.

И надо же — не обмануло предчувствие. Узнал: сегодня ночью прилетят наши самолёты и сбросят на парашютах груз. Аэродром для посадки временно закрыт, потому что надо все траншеи и воронки от мин заровнять, дать оттаявшей почве хорошенько подсохнуть.

Партизанам, свободным от службы, приказали сосредоточиться в лесу в районе аэродрома. Заметят парашют — отцепить его, сложить аккуратно, а груз доставить на сборный пункт.

С этой новостью Серёга примчался к Зинке в больницу:

— Вечером свободна? Дело есть: будем парашюты с Большой земли принимать. Только никому ни слова — секрет. А Мишке можно. Пусть приходит...

Когда в Дедкове узнали о том, что произошло с Колькой Матрёниным, ребята от волнения рты пооткрывали. Вот посчастливилось Коляну! Надо же: на земле бой идёт, вовсю бьют фашисты из пу-

лемётов и автоматов, а он в это время на самолёте у них над макушками — жжик!

У Серёги никак этот самолёт из головы не выходил. Одной лишь Зинке удалось увидеть аэроплан, когда она провожала отца. Да и то издали. А тут сидит человек в кабине, перед ним приборы: стрелочки, циферблаты, а лётчик — тут же, рядом, за штурвалом...

Про штурвал и приборы это уже Мишка добавил. Он тоже, как и Серёга, никак не мог примириться с тем, что не попался ему в тот день на глаза корреспондент. Обязательно пошёл бы его провожать. И кто знает, может быть, тоже полетел.

Зинка не о самолёте подумала. Она зажмурила глаза и увидела Москву, по которой расхаживает сейчас Колька. Только как же он там совсем-совсем один? Без мамы, без знакомых и друзей...

Да, много тревог доставил своим друзьям Колька Матрёнин! Но прошли дни, и стали ребята по-иному думать о случившемся.

Выспался после боя Серёга, сел у стола протереть свой автомат и подумал: «Вот бы Колян сейчас пришёл. В два счёта научил бы его разобрать затвор, может быть, и стрельнуть разочек дал».

И тут Серёга впервые понял: не увидит он больше Коляна, долго-долго не увидит. И почувствовал себя так, будто потерял что-то очень важное.

Настоящий друг — это в жизни действительно самое важное. А были они вправду друзья. Серёга пытался его учить, а сам от Кольки многое перенимал. Книжек сколько из-за Коляна прочёл, сколько узнал от него разных историй!..

Только собрался сказать Коляну: «Настоящий

ты парень, хотя и тихий с виду», да сдержался почему-то. Теперь таких слов никому не скажешь. Вот если Мишке... Мишка парень ничего: прямой и смелый.

Так или несколько иначе рассуждал Серёга, Капустка и правда стал Серёгиным другом. Без друзей ведь нельзя!..

— Слышите? Летят! — предупредил Серёга. — Теперь смотреть в оба!

Все трое вскочили на ноги. Обдавая тяжёлым машинным грохотом, над самыми верхушками сосен пронёсся один, потом второй самолёт. И тут же раскрылись и заколыхались, как на волнах, белые зонты.

— Левее, левее давай! — скомандовал Серёга, и ребята, не спуская глаз с плывущих белых куполов, заспешили им навстречу.

Партизаны бежали со всех сторон. И каждая группа людей — к парашюту, который они первыми углядели.

Кому-то уже повезло. Мимо пронесли длинный тяжёлый мешок и ослепительно белое полотнище купола.

Серёжка ринулся через кусты. Здесь! Где-то здесь плюхнулся замеченный ими парашют. И точно — висит на сосне.

— Я мигом! — сбросил сапоги Капустка и, поплевав на ладони, попросил подсадить.

Сосна гладкая, как мачта. Ни одного сучка. Мишкины ноги вот-вот соскользнут. Капустка напрыгся, вытянул руку, в которой зажат нож, и полоснул им по верёвке. Раз, ещё раз!.. Верёвка лопнула, и мешок тяжело плюхнулся на землю. А вместе с ним и Мишка.

— Больно? — бросилась к нему Зина.

Капустка ничего не ответил и вскочил.

— Серёга, Зишка! Смотрите-ка, что рядом с мешком! — И протянул целую горсть стреляных гильз. — Новенькие, от ППП.

На какое-то мгновение забыв о мешке, ребята стали обшаривать землю. Серёга включил карманный фонарь, и в его круглом жёлтом пятне все трое увидели, кроме гильз, окровавленные куски бинта и ваты.

— А вот ещё! — Зинка подняла полоску берестяной коры. — Мальчики! Знаки какие-то: «7-9-11-9...»

— Здесь совсем недавно был бой, — заявил Мишка. — Это точно. Бинт свежий. Но кто дрался с фрицами?

Серёжка не отрывал глаз от берёсты.

«Это шифр! Настоящий секретный шифр. Таким пользуются радисты», — пришло ему в голову.

— Немцы напали на партизан, а у партизан была с собой рация! Видите, они потеряли шифр, — высказал свою мысль Серёга.

— Точно, — поддержала его Зинка. — Давайте немедленно передадим его в партизанский штаб. Это же здорово — шифр не попал к фашистам!

Серёга задумался, огляделся.

— А вдруг тут другое скрывается? — неожиданно сказал он. — Вдруг этот шифр кто-то по заданию немцев украл у наших радистов? Его хотели задержать партизаны, но он скрылся. А шифр — вот он. Может такое случиться?

— Нечего сейчас сочинять, — предложила Зина. — Передадим берёсту куда нужно, а там разберутся.

— Нет уж! — Серёга выхватил находку у Зинки и спрятал её в карман. — Пока не откроем тайну, никому не скажем.

— Серый, — выпятил грудь Капустка, — помни: шифр и вообще это место я первый нашёл. Будешь кому докладывать, так и скажи.

— «Я нашёл, я первый»! — передразнил Капустку Серёга. — Самое главное сейчас выяснить, не кто нашёл, а кто потерял! И ещё — разгадать, о чём в этой шифровке говорится... Понял? То-то... Поэтому — никому ни слова! Сам этим займусь... Ну-ка, потащили мешок!..

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Едва самолёт коснулся колёсами земли, Колька неожиданно для себя ясно почувствовал: всё теперь пойдёт для него по-другому. Будто кто-то взял и подарил ему новую жизнь.

В воздухе, в тесной кабине, он сжался в комок и думал только о том, чтобы ни снаряд, ни пуля не оборвали их путь. Где они сядут, что будет потом — эти мысли не приходили в голову. Надо было вырваться из огненного пламени, которое несло за самолётом от самого Дедкова.

И лишь коснулись колёса травяного покрова аэродрома, попали Михаил Алексеевич и Коля в объятия красноармейцев и стало ясно: живы! И теперь-то им ничего не грозит!

Колька не заметил, как уписал целую миску каши с мясом, выпил залпом две кружки сладкого компота. Сколько месяцев не ел он такой вкус-

ной еды! А повар ещё предлагает. Покраснел Колян и снова подставил кружку под черпак.

Утром завтрак, потом обед... И на дорожку, когда они сели в кузов грузовика, отъезжавшего к Москве, их снабдили сладким сгущённым молоком, колбасой, сухарями...

Чем дальше они отъезжали от фронта, тем больше видел Коляка непривычного. Проехали Юхнов, Медынь, Малоярославец... От городов остались одни печные трубы, осевшие стены зданий. По этой дороге прошлой осенью рвались фашисты к Москве. Но пришлось им убегать назад, и тогда в дикой злобе они начали жечь города.

Теперь наши воинские части двигались на запад, чтобы гнать и гнать фашистов дальше.

Всю дорогу к Москве Коля глядел на колонны красноармейцев. И почти в каждом бойце ему виделся отец.

Много было похожих. Но отца он не встретил. Он, конечно, понимал: не обязательно именно на этом участке фронта должен был воевать его отец. Фронт протянулся на сотни и тысячи километров, и к нему вела не одна, а много дорог, по которым шли и шли войска.

Коля смотрел во все глаза и радовался: скоро опять прогонят врагов, скоро наши войска прорвут кольцо вокруг Дедкова...

Когда приехали в Москву, Коля спал. Михаил Алексеевич разбудил его перед самым зданием редакции.

Коля выпрыгнул из кузова машины и увидел над подъездом огромного каменного здания большие буквы. Он сложил их про себя, и вышло название самой главной газеты страны.

Они поселились с Михаилом Алексеевичем в небольшом кабинете — стол и две кровати.

Здесь, в редакции, всё было необычным: на нижних этажах огромная, как завод, типография, машины, которые сами набирают и складывают целые газетные строчки...

Ходил Коля по коридорам и думал: вот бы увидел всё это Краюшин!

Но, конечно, самым главным открытием в новой Колиной жизни оказалась Москва. Увидеть её сразу, всю целиком было невозможно. Она открывалась Коле по кусочкам — дом за домом, улица за улицей, площадь за площадью.

Заклеенные крест-накрест полосками газет окна...

Мешки с песком в витринах...

Рельсы, вертикально вкопанные посреди мостовых...

И здесь, далеко от партизанского Дедкова, тоже всё говорило о войне.

Впервые Коля уехал так далеко от дома. Он никогда не бывал в Москве. Но, как многие другие, он не раз бродил по столице в своём воображении. Поэтому сейчас многое казалось знакомым. Нужно было только узнавать.

Вот улица Горького. Здесь цветами встречали челюскинцев, папанинцев. Всё это Коля знал по киножурналам, по книгам.

Шёл дальше, и вспоминались стихи:

Когда на троллейбусе
публика едущая
услышит надсадный
кондукторшин крик:

«Площадь Пушкина,
Маяковского — следующая!..»

И Коля находил эти площади — площади своих любимых поэтов.

В комнатке, где они теперь жили, он садился на табурет в уголке, доставал из кармана синюю заветную тетрадочку и быстро-быстро записывал в неё новые стихи. Стихи были обо всём, что он узнал и увидел за эти дни. Но, конечно, в первую очередь о фронте и о Москве.

Когда Коля вот так сидел над своей тетрадочкой, он подчас даже не замечал, как в комнату входили люди — журналисты и военные. И когда они приходили, вытаскивалась карта, слышалось: «Дедково, Дедково...»

Коля прятал тетрадочку и прислушивался к разговору. Ему было ясно: военных очень интересуют подробности о бесстрашном партизанском городе. А кому же их ещё знать, как не Михаилу Алексеевичу, который только что вернулся оттуда?

Но постепенно из разговоров, которые приходилось слышать Коле, он начал догадываться: военные проявляют к Дедкову не обычный интерес... Они прочерчивали на карте какие-то линии, как будто вели к Дедкову через фронт войска. И спорили: «Лучше пройти здесь... Нет, здесь. Здесь нас не ждут...»

«Всё понятно: командование отдало приказ идти на помощь партизанам!» — догадался Колька.

Догадался об этом Колька, и как будто разом исчезла его внезапно возникшая новая жизнь

и вернулась прежняя, которой он жил до того, как перелетел на самолёте линию фронта.

«Красноармейцы решают идти на помощь Дедкову, а я — здесь. Я здесь, а там мама и мои друзья. Что скажут они, когда встретят бойцов из Москвы, а меня с ними не будет?..»

Подумал о маме, о друзьях и понял: всеми силами надо стремиться домой. Только в Дедкове он должен жить, жить вместе с мамой, помогать, заботиться о ней!

Как ей сейчас тяжело там, без него, Коляна! Наверное, каждый день старается узнать у Калачёва, нет ли чего новенького от Михаила Алексеевича. Вот и газету со статьёй «Город Партизанск», которую написал Михаил Алексеевич, наверное, получила, прочла и, конечно, заплакала.

«Мамочка милая, прости, что так вышло, не по моей вине вышло... Но я вернусь к тебе!..»

Как только они приехали в Москву, Михаил Алексеевич объявил, чтобы Коля собирался. Его отвезут в Казань. Там живут жена и две дочери Михаила Алексеевича. Что в те дни оставалось Коле? Ему и собратъся ничего не стоит: всё имущество, что на нём. Но зачем же теперь куда-то в Казань, если стрелы на карте указывают: «Да-ёшь Дедково!»

Забилось у Кольки сердце — сон потерял. Пробовал с Михаилом Алексеевичем поговорить, тот только руками на него замахал:

— Да ты что придумал, Коля? Немедленно в Казань!..

Обратился к военным. Те плечами пожали:

— Мальчик, тебя ждут в семье Михаила Алек-

сеевича. К тому же нельзя подслушивать разговоры...

Эти слова сказал ему человек с двумя шпалами в петлицах.

Среди тех, кто приходил к Михаилу Алексеевичу, он был старшим по званию. И, по всем признакам, главным над теми, кто должен идти в Дедково. А в том, что они туда пойдут, Коля уже не сомневался. Поэтому он узнал фамилию командира с двумя шпалами и написал на листке бумаги:

Майору тов. Горлову
Матрёнина Николая Анатольевича

з а я в л е н и е.

Прошу меня зачислить в военную часть, которая направляется в город Дедково. Там я родился и жил. Хочу быть полезным. И не хочу быть дезертиром.

Расписался, поставил число. Всё как надо. Дождался, когда Горлов и другие вышли из комнаты покурить, и положил свой листок рядом с планшетом майора.

«Заявление — это документ. Это не разговор на ходу, — успокоил себя Коля. — От документа так просто не отмахнёшься, — вспомнил он слова, не раз слышанные от взрослых. — А откажут — ещё выше напишу: главному командованию...»

Коля стал расхаживать по коридору, поглядывая на дверь.

ТОГДА, ПОД МОСКВОЙ...

Заныло у Кольки под ложечкой, когда дверь распахнулась и из неё вышли все, кроме Горлова и Михаила Алексеевича. Один из военных кивнул Коле:

— Зайди.

Михаил Алексеевич стоял у окна и смотрел на улицу. Горлов сидел за столом, складывая бумаги.

— Садись, Николай, — пригласил Горлов, а сам почему-то встал и начал вышагивать по комнате.

Глаза майора — карие, с золотистыми искорками вокруг зрачков — обычно глядели прямо в лицо собеседнику. Сейчас они смотрели в пол.

«Всё ясно, — сказал себе Коля. — Я несовершеннолетний, в армию таких не берут, и так далее. Только не надо мне всё это объяснять... Решили — значит, кругом марш!»

Коля встал.

— Присядь, — остановил его Горлов. — Скажи, твою маму зовут Елена Викторовна? Она учительница? А папа, Анатолий Игнатьевич, был директором школы?..

Горлов помедлил, видимо, обдумывая, что ещё спросить из короткой Колиной биографии. И от этой паузы в словах майора у Коли возникла маленькая, смутная надежда.

— Николай! — подошёл к нему сзади и положил руку на плечо Михаил Алексеевич. — Происходят иногда в жизни события, которые нельзя изменить. Всей душой хочешь, а не властен. Но человек должен... как бы тебе это сказать?

Настоящий человек, в особенности боец, каким ты хочешь стать, должен быть сильным...

Коля теперь слушал только стук собственного сердца. И в этой гулкой паузе, которая образовалась после слов Михаила Алексеевича, до него дошёл голос Горлова:

— Твой отец погиб, Коля...

Комната повернулась и поплыла перед Колиными глазами. Он сделал глубокий вдох, но грудь точно сдавило обручем. Коля опустился на кровать и почувствовал, что подушка сразу же стала жаркой...

Часа через три они уже были с майором в доме, где размещалась воинская часть и где жил сам Горлов. Он налил Коле и себе чаю.

— Я не знал, как твоя фамилия, — прокашлялся Горлов. — Знал, что Николай. Был рад, что после пережитого ты сможешь отдохнуть, учиться... А тут глянул на твоё заявление: Матрёнин. Отчество — Анатольевич. Скрыть от тебя не мог...

Он помешал ложечкой в стакане. Пододвинул поближе к Коле хлеб, масло, сахар.

— Теперь мне порою кажется, что я всю жизнь знал твоего отца. А на самом деле познакомились только под Могилёвом. К тому времени батальон, которым я командовал, с боями прошагал почти всю Белоруссию. Много мы уложили врагов, но и нас они изрядно потрепали. Поэтому, когда получили пополнение, обрадовались неописуемо. Отец твой пришёл к нам старшим политруком роты. Воспитанный, вежливый, в обращении с красноармейцами всегда ровный. Признаюсь, поначалу я даже подумал: не слишком ли мягок старший политрук?.. Вскоре — бой. И вот тогда мне доклады-

вают: Матрёнин поднял взвод в атаку и взял высоту!.. В том бою вышел из строя комиссар. И отец твой занял его место...

Всего два письма успел прислать с фронта отец. Но в них, конечно, не было ни одной строчки о том, как там было тяжело и как он сам водил красноармейцев в атаку.

— Есть под Москвой речушка Нара. Воробей пробежит по ней — пёрышек не намочит. А фашисты её не перешли. Так вот там... Там остался последний рубеж комиссара Матрёнина... Когда мы отбили подряд несколько атак пехоты, показались танки. Три из них мы подбили на том берегу, а ещё штук десять развернулись и пошли к мосту, что был правее нас. Бросились смельчаки, чтобы их остановить, но не доползли. И тогда встал из окопа твой отец со связкой гранат, нашёл ложбинку — и по ней... А головной танк уже вползает на переправу. Вот-вот проскочит. А тут взрыв.

...Коля сомкнул веки и попытался их снова открыть. Но они не слушались. Слова Горлова начали доходить до него словно издалека:

— На могиле... рядом с фамилией... мы написали два слова: «Учитель и комиссар».

ДЕВЯТЬ-ДЕВЯТЬ-ТРИ-ТРИ

В строю вместе с другими — красноармеец Николай Матрёнин. Военской части № 9933 зачитан боевой приказ: подготовиться к отправке.

И вслед за приказом команда:

— Разойдись!..

И сразу плотный, бухающий топот сотен армейских сапог заполнил просторный двор.

Колька вбежал в свою спальню и вытащил из-под койки вещмешок. Снял со стены телогрейку, оправил ремень на гимнастёрке. Вот и всё, он собрался.

Рядом возились с рацией бойцы Слава Ряшин и Саша Зайкин.

— Саша, давай помогу! — подскочил Коля.

— Смирно! — вскинул на него озорное лицо с носом пуговкой Славка. — Как обращаетесь, боец Матрёнин, к младшему сержанту Зайкину?

Коля понял, что Славка шутит. Но он встал, как и требовалось: каблук к каблуку, носки слегка разведены, руки по швам.

— Боец, настоящий боец! — прищёлкнул от удовольствия языком Славка.

Майор Горлов сам привёл в комнату взвода управления мальчугана в лыжной курточке. Такого бойца в их бригаде ещё не было, и все с любопытством начали разглядывать паренька. А когда узнали, что он оттуда, из того самого партизанского города за линией фронта, куда они направляются, все наперебой стали расспрашивать Колю.

Взвод управления — штабной взвод. Здесь радисты, полевые телефонисты, автоматчики охраны. И главные во взводе — командир Ряшин и старший радист Зайкин.

Оба — из одного класса и на один завод пришли перед войной. А когда фашисты подступили к Москве, добровольно записались в батальон истребителей танков.

Батальон бросили под Волоколамск. Но армейские части остановили врага, и ребята, так ни разу и «не стрельнув», возвратились домой. Их зачислили в специальную школу, где готовили бойцов для рейдов по тылам противника. Предупредили: «Если потребуется...» И вот теперь потребовалось. Вместе с другими московскими комсомольцами стали бойцами воинской части № 9933, или бригады особого назначения.

Всем выдали армейское обмундирование. Даже самая маленькая по размеру гимнастёрка оказалась Коле велика.

— Пошли ко мне домой, что-нибудь придумаем, — предложил Слава.

Мать Славки всплеснула руками:

— Батюшки, явился, сынок, а говорил, что эвакуировался! Теперь-то куда? — недоуменно смотрела она на одетых в военное Славку и Сашку. — У вас же ещё возраст не призывной. А этот и вовсе мальчонка!..

Коле ушили гимнастёрку в плечах, подогнали рукава, подкоротили брюки. Всё стало по росту, по плечу.

— Ключ-то свой возьмишь? — спросила мать.

— А то как же! — ответил Славка и, поцеловав маму, подкинул на ладони ключ — ключ от родного дома.

Взвод управления был в полной боевой готовности. Но ещё не прозвучала команда «становись», поэтому бойцы присели у подъезда «на дорожку». Дом, где они размещались, был школой.

— Николай, — кивнул в сторону улицы Саша Зайкин, — смотри, это к тебе.

К школе быстро шёл Михаил Алексеевич. Колян бросился к нему навстречу.

— А ну, поворотись-ка, сынку! — Михаил Алексеевич оглядел Колю с ног до головы и прижал к себе. — Ну, значит, уезжаешь?

— Значит, уезжаю, — ответил Коля и рассмеялся.

— Ты чего? — спросил Михаил Алексеевич и вдруг вспомнил. Точно такими фразами они обменялись тогда в Дедкове, когда Коля решил проводить Михаила Алексеевича до аэродрома.

— Теперь, надеюсь, доберёшься без приключений. В тот раз мы были вдвоём, а теперь смотри, сколько у тебя товарищей.

Михаил Алексеевич опустил руку в карман и протянул Коле пистолет.

— Тот самый, который вы мне давали в лесу? — обрадовался Коля и сжал рукоятку ТТ.

Михаил Алексеевич кивнул.

— Возьми на память... А я-то, Колян, твой подарок не сберёг. Помнишь берестяную грамоту? Где-то мы с тобой её обронили...

— Ничего, Михаил Алексеевич. Всё, что вам поручали партизаны, вы выполнили. Статью напечатали. Деньги куда надо сдали. Даже танки с названием «Дедковский партизан» проводили на фронт. А берёста — это так... Вы ведь всё равно теперь не забудете Серёгу и Зишку.

«Хорошо, что Коля возвращается домой, — думал Михаил Алексеевич, чувствуя, что Коля уже мыслями там, в родном городе. — Конечно, в Дедкове война, там горе. Но горе может настичь человека и здесь, где уже не грохочут взрывы, как это случилось с Колей... Горлов решил

правильно. Он понял: человека, потерявшего отца и дом, нельзя оставить наедине с несчастьем. Любой на месте майора поступил бы именно так...»

ВЫЗЫВАЙТЕ «ЛАНДЫШ»

Коля расположился в вагоне на верхних нарах, у самого окна. Он подстелил под себя телогрейку и улёгся на неё аккуратно, боясь лишний раз пошевелиться, чтобы не помять гимнастёрку и галифе. Лицо приятно ласкал свежий ветерок, летевший навстречу поезду.

— Николай, ты не спишь? — спросил Слава. Он лежал рядом и тоже смотрел в окно. — Понимаешь, о чём я подумал сейчас... Я на целых четыре года старше тебя. Я уже, можно сказать, взрослый человек. И ты, наверное, завидуешь мне: я родился в Москве, работал на заводе. Так ведь? А я, представь, завидую тебе. Не вру, честно! Ведь ты побольше моего повидал. Подумать только — партизанам помогал, фронт перелетел... А я даже вот здесь, где сейчас едем, ни разу не был. Стыдно, но так уж вышло — кроме Москвы, нигде не был. Сашка, тот гостил у тётки в Новосибирске и под Смоленск к деду ездил... А я первый раз путешествую...

Саша Зайкин не слышал, что говорят о нём. Он сидел внизу рядом с Горловым и настраивал свою рацию. Близилось время «Последних известий», и все затихли, уставившись на Зайкина, надевшего наушники.

— Ну, чего там? — нетерпеливо спрашивали бойцы.

Сашка сбросил наушники, равнодушно пожал плечами:

— Да по-прежнему на фронтах никаких перемен.

Все по опыту знали: это хорошо и плохо. Хорошо, что немцы не наседают, но обидно, что и мы не переходим в новое наступление.

Горлов показал на часы:

— Зайкин, время. Вызывай «Ландыш».

Тут уж все, казалось, дышать перестали: «Ландыш» — это позывные Дедкова. И как ни стучали на стыках колёса, как ни громыхал вагон, каждому чудилось, что он чётко слышит попискивание ключа, на котором работает радист.

Почему Сашка Зайкин стал радистом?

В первый же день их знакомства Славка, улыбаясь, ответил на вопрос Коляна так: «У Сашки кишка оказалась тонка. Когда мы в разведшколе начали заниматься боксом, я так врезал Сашке, что он сказал: «Всё!» — и бросил перчатки. А какой же он диверсант, подрывник, если приёмами бокса и борьбы не владеет? Вот и пошёл в радисты...»

Пусть подтрунивает Славка. Но специальность радиста — это особая специальность. И ответственность, конечно, особая. Это уши и голос бригады.

Вот они едут все вместе и ждут — ждут, что Сашка расскажет им о положении на фронте, о том, что происходит сейчас в Дедкове. И Славка, как ни поддразнивает дружка, знает, что он жизнью отвечает за то, чтобы ничего не произо-

шло ни с Сашкой, ни с его рацией. Десять самых крепких ребят — охрана радиста. Целое отделение. И Славка — командир этой охраны.

— Сеют, братцы, сеют вовсю! — снимает наушники Сашка и радостно оглядывает сидящих вокруг него парней.

— Где? — не понимают ребята.

— Сев, говорю, ведут в Дедкове! Ну, зерновые, картошку высаживают...

И хохочет вагон, и слышится с разных сторон:

— Всё! Едем на помощь селу...

— Хлопцы, это ж не война, а шефская поездка...

И долго ещё судачат, прежде чем задремать, укрывшись телогрейкой.

Зайкин прилёг между Колей и Славкой. Устроил сумку с батареями в головах, закурил.

— Да-а... — мечтательно произнёс Саша. — Если бы собственными ушами не слышал, никому бы не поверил: кругом фашисты, а люди в Дедкове в поле вышли, сеют... — И неожиданно перебил сам себя: — Коля, только я в толк не возьму: где же там у вас поля? Ты же говорил — леса вокруг, знаменитые Брянские дебри...

Внизу, на другой половине вагона, плавает жёлтый круг света. Он от фонаря, висящего над фанерным ящиком, за которым сидит Горлов. Перед ним карта, и майор, глядя на неё, что-то изредка заносит в блокнот.

На карте Дедковские, Брянские леса, о которых сейчас спрашивает Зайкин. Те самые леса, которые отныне должны приютить, скрыть от вражьего взора и пропустить через себя целой и

невредимой особую — девять-девять-три-три — московскую партизанскую бригаду.

— Ребята! Славка, Сашка... — зашептал Колян. — Я вам всё-всё покажу дома. И поля и леса. И те, куда мы ходим по грибы и ягоды, и те, которые дальше от нас. И сад покажу, который у нас. И дом свой. Познакомлю с мамой и главными своими друзьями — Зишкой и Серёгой. Они понравятся, вот увидите! И мама вас полюбит. Если хотите, будете жить у нас...

Поезд летел в крошечной мгле, отстукивая километры, втягиваясь в хвойные и дубовые леса, которые всё плотнее и плотнее обступали состав.

ЭХ, КАРТОШКА...

— Бабоньки, а земля-то — словно пух!

Дарья Михайловна сбросила с ног подвязанные бечёвкой галоши и босиком, с нескрываемым наслаждением засемила по прогретой утренним солнцем земле.

— Смотрите-ка, бабушка Вавилова что молодая! — прыснули рядом женщины.

Елена Викторовна тоже засмеялась. Но посоветовала:

— Тётя Даша, ноги не застудили бы.

— Эх, милая Леночка, ничего им не сделается! А занедужу — своя ведь власть в городе, не германская! Антохин быстро поправит...

По лесной дороге к Ерохину полю шли, наверное, сотни две женщин — в пёстрых кофточках и платочках, и старые и молодые.

Вместе с ними ребяташки. Вчера под плуг, ко-

торый тащили по земле на длинных постромках сами женщины, засеяли семенами ржи два поля. Теперь шли сажать картошку на дальнюю, Ерохину загонку...

«Много ли надо человеку для счастья? — размышляла Елена Викторовна, шагая рядом с Дарьей Михайловной Вавиловой. — Почувствовать на щеке ласкающую теплынь солнышка, пройти босиком по росной траве, посмеяться чьей-нибудь задорной выдумке. Всё это, конечно, радость. Но человеку нужно такое счастье, чтобы — на всю жизнь! А оно возможно только без войны».

В последнее время мысли Елены Викторовны были устремлены к будущему. Она думала о том времени, когда снова встретится с сыном и мужем. Коля жив. Это она знала из радиограммы, которую передал Михаил Алексеевич. Но сердце матери всегда беспокойно. Всегда в тревоге до той поры, пока она своими глазами не увидит своего ребёнка, не проведёт рукой по его лицу, не прижмёт к груди.

Елена Викторовна старалась скрыть своё беспокойство: любой дедковской семье сейчас несладко, у всех общая печаль, потому-то Елена Викторовна старалась сделать всё, что могла, чтобы помочь людям.

Засеять поля, чтобы по осени собрать урожай, — тоже было частью её хлопот. Зерно по горсточкам, по крохам принёс каждый двор. А теперь в узелках и мешочках, которые несли женщины, — картофельная кожура.

Никогда не высаживали в землю очистки. За-

ранее готовили отборные клубни. Но ведь и не было раньше такого, чтобы картофельную кожуру перемывали и варили из неё похлёбку, пекли лепёшки.

Срезали хозяйки кожуру и задумывались: потоньше или потолще? И делили порой картофелину надвое — в чугунок и в мешочек: свой ведь огород, общий для всего Дедкова, надо засеять!

Засверкали в поле лопаты. Елена Викторовна кивнула Зинаиде, которая вскапывала грядку рядом, и затянула:

Распрягайте, хлопцы, коней...

Зина и ещё несколько девушек подхватили:

Да лягайте почивать.

А я выйду в сад зелёный,

В сад криниченьку копать...

Взлетела, поплыла над цветными платочками и косынками песня, вобравшая в себя русские и украинские слова.

— Тпр-ру! — осадил среди поля повозку Мишка Капусткин. — Калачёв коня выделил! Сейчас его в плуг — и только успевай за мной!..

Обрадовались, зашумели женщины. Подбежала Зинаида:

— Давай вдвоём! Я тоже умею за плугом...

Мишка, рассупонивая хомут, оглянулся.

— Зишь, дай честное пионерское... Только никому... К нашим партизанам из Москвы подмога идёт, целая бригада! А это побольше полка, побольше дивизии... Мне по секрету сказали...

— Серёга? — догадалась Зина.

Капустка заёрзал глазками по сторонам. Эх, не умел Капустка кривить душой, покраснел от волнения.

«Вот так с Серёгой частенько: сначала сделает, а потом уж подумает».

Зина вспомнила, как перед войной они всем классом ходили на экскурсию на стекольный завод. Вошли и замерли: такое вокруг разноцветье, будто в цех радуга спустилась. Берут рабочие на кончик трубки капельку расплава из бушующей печи, чуть качнут резиновой грушей, подавая воздух, и вытягивается, растёт на глазах то шар, то ваза, то графин. И цвет какой хочешь: зелёный, золотой, белый с голубым оттенком...

Все стояли как зачарованные. А Колька в рифму сказал: «Стекло влекло...» Эти слова он, конечно, потом в свои стихи вставил. А вот Серёга, тот так загорелся, так его стекло «увлекло», что на следующий день не пришёл на уроки и объявил: решил идти выдувальщиком стекла на завод. Только Анатолий Игнатьевич Матрёнин убедил Сергея, что на рабочего тоже надо учиться и волшебство профессии — это ведь годы и годы знаний, упорного труда. Дошло до Серёги. Поскреб затылок и вернулся в класс.

Теперь, наверное тоже не подумав как следует, сообщил новость Капустке.

Нет, Серёга не болтун: новость и впрямь счастливая. Как её от друзей убережешь, если она птицей рвётся? И Мишка не сберёт. На тебе — при всех под «честное пионерское» и брякнул!

Зинка обеспокоилась. Шикнула на Мишку:

— Это ж военная тайна! Разве можно, чтобы все знали?

Но тайна уже стала общей радостью. И шумело, ликовало от этого известия поле.

Только не в нужный час привёз Мишка свою тайну. Ещё звенели над рядами работающих радостные клики, а в воздухе уже нарастали, наполнили его до краёв — от неба до земли — другие звуки.

— Ой, гляньте-ка! — вскрикнул кто-то из женщин.

И тут же чёрная, стремительно растущая тень длинного, вытянутого самолёта зависла и пошла снижаться, жадно стремясь накрыть всё внизу.

Гр-р-ры!.. — шугануло над головами ветром, смрадом, и уже впереди, там, где начинался город, выросли друг за другом три похожих на тополиные пирамидки чёрных смерча.

Ба-ба-бах!.. — донеслось от этих чёрных, устрещающих тополей.

— Город бомбят, ироды!

Женщины бросились к опушке леса, где у каждой остались какие-то вещицы, сброшенные фуфайки, кофты. А им навстречу неслась новая, такая же, как и первая, косая тень.

Воздух вспорол. Будто кто-то высоко над головами рванул за края само небо, и оно, точно огромный холст, лопнуло и пошло рваться с трескающим, дробно-хлопушечьим звуком.

— Гады, гады!.. Ой, больно, ой, смертушка моя! — раздался чей-то вскрик.

Зина ткнулась лицом в свежую борозду за плугом. Но тут же поднялась и схватила под уздцы костлявого мерина. Конь, поднявшись на дыбы,

рухнул на спину и, выбрасывая вверх длинные ноги, заржал, изо рта показалась пузырящаяся розовая пена.

— Уходите в лес! Все — в лес! — распорядилась Елена Викторовна.

Женщины, перескакивая через рытвины, бросились в ельник.

— Дарья Михайловна! Что же вы? Разве можно искать сейчас галоши? — подбежала Зина к бабушке Вавиловой. — Быстро за мной!

Они добежали до первых берёзок и притаились за деревьями. В поле, на том месте, где корчился коняга и недавно были люди, с тяжёлым стоном оседал чёрный столб дыма и земли.

Капустка вскочил на ноги и кинулся через кювет.

— Куда?! Назад! — успела схватить его за плечо Зина. — Нет уже коня, нет его!.. Давай помогать раненым. Всех быстро к Антохину, в больницу...

Она отбежала от Мишки, оглянулась. Он лежал, ткнувшись лицом в мох. Плечи его вздрагивали. А пальцы, посиневшие в суставах, судорожно перебирали верёвочные, немало послужившие вожжи.

ОДИН НА ОДИН

Фролов осмотрел посты и вернулся в блиндаж. Здесь его уже ждало свежее молоко. Женщины подоили коров и принесли кувшин командиру отряда. Фролов припал к прохладной, запотевшей изнутри кринке и жадно сделал несколько глотков.

Какое чистое, ясное утро! Он вышел из блиндажа. На скуластом молодом загорелом лице обозначилась улыбка. С хрустом потянулся, согнул руку — под гимнастёркой проступили упругие мускулы. Приятно чувствовать себя молодым и сильным!

Сбылась мечта двадцатидвухлетнего лейтенанта: он снова в строю. И командует целым партизанским отрядом, как Журкович.

А осенью сорок первого, всего несколько месяцев назад, он отступал в Брянских лесах со взводом, от которого уцелели только он и сержант Романов. Оружия не бросили. Так, настоящими солдатами, и пришли к партизанам. Обоим хотелось тут же снова в бой. Но Калачёв распорядился их судьбой по-иному: нужны были люди в помощь Ивану Фридриховичу. Они нацепили на рукава полицейские повязки, стали разведчиками.

Скрывать перед фашистами, кто ты есть на самом деле, нелегко. Но тяжелей замечать устремлённые на тебя ненавидящие глаза своих же, советских людей! Теперь с особым, подчёркнутым уважением улыбаются дедковцы при встрече с лейтенантом. Вот и молоко несут ему, и лепёшками, кто напечёт, угощают...

Фролов услышал неожиданный грохот над головой, глянул в небо... «Мессершмитты».

Едва он добежал до линии обороны и прыгнул в окоп, как метрах в пятидесяти стали подниматься на бугор фашистские мотоциклисты. На всей скорости они разворачивались, выскакивали из колясок и тут же окапывались. А следом за мотоциклистами валила и валила пешая солдатня.

«Откуда они прорвались?» — лихорадочно пронеслось в голове Фролова.

Ещё вчера разведка доносила: гитлеровцы собирают силы под Любезной. Туда спешно перебросили отряд Журковича. Почему же они начали наступление здесь, со стороны вроде тихого, неприметного посёлка Старые Рубчи?

Но выяснять было некогда. Бессмысленно было сейчас ломать голову, когда, рассыпавшись цепью, на партизанскую линию обороны шли немцы.

Они шли во весь рост, словно считали, что в окопах нет партизан. Окопы в самом деле молчали. Ещё десять, ещё пять шагов...

— Огонь! — крикнул Фролов.

И точно на стену натолкнулись фашисты — так дружно ударили по ним партизаны. Оставляя раненых и убитых, фашисты бросились наутёк.

— Что, съели? — обрадовался Фролов. — Сунетесь, ещё дадим!

И он побежал по траншее к крайнему, огибавшему лесок участку обороны. Там бился с фашистами взвод Романова.

Навстречу метнулся боец в разодранной чёрной косоворотке. Глотая воздух перекошенным ртом, показал в сторону поляны:

— Броневики!.. За лесом — бронемашины...

Фролов схватил бойца за локоть и повернул назад:

— На место! В окоп!

Оставляя за собой грязно-бурый хвост пыли, двигались одна и следом вторая бронемашины.

У Фролова перехватило дыхание, и он нервно выплюнул горячую, тошнотную слюну.

«Ничего, ничего... — плотно сжал широкие скулы. — Подпустить ближе... И тогда...»

Только теперь он оглянулся и увидел Романова. Тот сидел на дне окопа, и тонкая струйка крови сочилась из виска. От всего взвода оставалось лишь с десятков бойцов.

Парень, которого остановил Фролов, приподнялся и метнул гранату. Но поспешил, а может быть, ещё не успел совладать с невольным испугом, только граната шмякнулась метрах в пяти от лобовой части машины и, скатившись в яму, рванула впустую.

До первой бронемашины оставалось всего метров двадцать. Фролов приготовил тяжёлую противотанковую гранату — вставил в неё красный, чуть лоснящийся от смазки детонатор. Их заметили. С бронемашин затарахтели крупнокалиберные пулемёты. Фролов перебежал по окопу, и идущая впереди машина оказалась от него слева. Он замахнулся и метнул гранату прямо в башню. Взрыв потряс землю...

Вторая машина уже подошла к траншее и двинулась в сторону Фролова, вдоль окопа.

Гранат больше не было. Оставалась одна бутылка с бензином. Прежде чем её метнуть, надо было поджечь бензин.

— Тряпку, спички! — крикнул Фролов партизану в чёрной рубашке.

Но тот не отозвался.

Фролов рванул ворот от своей гимнастёрки и, смочив его бензином из бутылки, обвязал мокрую тряпицу вокруг горлышка.

Искать спички не было времени. Фролов пригнулся и пробежал по траншее метров десять. По

его расчёту бронемашина должна была оказаться рядом. Так и случилось. Когда он выглянул из траншеи, увидел всего в каких-нибудь двух-трёх шагах борт броневика. Его враз обдало пылью и знойным, будто из печи, жаром раскалённых выхлопных газов.

Фролов понял, что теперь ему не нужны спички. Не надо поджигать тряпку. Надо просто разбить бутылку, которую он держал наготове в руке, о пышущий жаром моторный отсек машины.

Фролов вскочил на бруствер и бросил бутылку. И почти сразу утробно ухнуло внутри броневика, и Фролова отбросило в сторону. Он попытался встать, но боль током обожгла всё тело. Онглянул на свои ноги и увидел длинные огненные языки пламени, ползущие по сапогам. Горящая струя бензина вырвалась из машины и окатила Фролова.

Он решил сбить, погасить огонь. Но пламя уже охватило бёдра...

С лязгом распахнулась дверца броневика, и из неё выскочил фашист. Он был в чёрном мундире с серебряными стрелами на петлицах.

«Эсэсовец, подлюга!» — сразу понял Фролов.

Сколько раз вот так смотрел в лица врагов коммунист-разведчик! Но тогда он не мог, не имел права поступить с фашистами так, как требовали от него присяга и совесть. После боёв на фронте он впервые стрелял из своего автомата по врагам в окопах, на аэродроме. Но там, в ночной темноте, он не мог видеть лица врагов, как увидел их вот теперь, рядом с горящим броневиком.

Фашист был без шлема и комбинезона, потому что, видимо, к нему тоже подобрался огонь и

он успел сбросить с себя кожаную одежду. Вот почему Фролов сумел разглядеть его эсэсовские знаки отличия.

Белёные жидкие волосы фашиста от испуга вздыбились надо лбом. Вытянутый острый подбородок дёргался.

Поединок глаз Фролова и фашиста длился долю секунды. Но Фролову казалось, что он очень долго поднимал и поднимал руку, крепко стискивая рукоятку пистолета. Уже поверх ствола дёргался подбородок немца. Сновали, ища помощи, остекленелые глаза.

Наконец ствол пистолета дотянулся до уровня этих глаз. Фашист, в ужасе отвернув лицо, заслонился длинной, с растопыренными пальцами ладонью. И Фролов, последним усилием преодолевая нестерпимую, обжигающую боль, встал и шагнул навстречу фашисту.

ДАЁШЬ, ОСОБАЯ!

С каждым часом в городе становилось тревожнее. Уже не только фроловцы отражали натиск фашистов. Все партизанские отряды, расположенные вокруг Дедкова, вступили в бой. Немцы наступали со стороны Любезны, аэродрома, от Старых Рубчей... Огненное кольцо вот-вот могло захлестнуть, удушить город.

А от фронта до города рукой подать: всего несколько десятков километров. Но эти несколько десятков километров надо преодолеть.

Приказа о наступлении Красной Армии не было. Наши войска на Западном фронте не могли

сняться и пойти вперёд. Потому что были участки более важные, куда главное командование стянуло основные силы. Всё, что Родина могла выделить для Дедкова, — это особую — девять-девять три-три — бригаду добровольцев-москвичей.

Мишка Капустка явно преувеличивал, исчисляя количество бойцов бригады в несколько тысяч человек. Семьсот двадцать четыре рядовых и командиров — вся бригада. Но она отлично вооружена, её бойцы обучены, и для Дедкова пока — она единственная реальная опора.

Сняв с поезда, бригаду довели до линии фронта на автомашинах. Армейские разведчики нашли в лесах для её прохода к Дедкову коридор — болотистое место, где не было сплошной линии фронта. Ночью скрытно все семьсот двадцать четыре человека должны были пройти по топям и оказать-ся на партизанской земле.

Но для этого следовало хорошенько разведать весь маршрут, выискать в топях подходящие тропки. Детальная подготовка заняла бы не один, а несколько дней. Город же просил помощи немедленно...

Коля Матрёнин устал, пока они шли к небольшой деревушке вблизи фронта, где решено было разместить бойцов бригады. Он прилёг на полу, подсунув под голову вещмешок с запасными батареями для радики, и задремал. Вскочил, протирая глаза, когда услышал свою фамилию.

— Срочно к Горлову.

В просторной избе за столом сидели майор Горлов, командир полка, державшего оборону на здешнем участке фронта, и другие незнакомые командиры.

Коля приложил ладонь к пилотке, по-военному чётко доложил о своём прибытии. За столом улыбнулись, увидев такого солдата.

— Матрёнин, — обратился к нему Горлов, — ты бывал когда-нибудь в Старых Рубчах?

— Раза два или три. Мы ездили туда всей школой помогать колхозу.

— Вспомни и подробно расскажи нам о местности возле Рубчей. Со всеми деталями — где дороги, мосты, овраги...

Коля покраснел, польщённый вниманием, и стал рассказывать о том, что помнил. Горлов и военные слушали и иногда что-то помечали на своих картах.

Колю отпустили, но спать ему уже расхотелось. И он присел на скамеечке у штабной избы.

Вскоре из дверей вышли все, кто сидел за столом.

— Значит, как договорились, — сказал Горлов, прощаясь с командирами. — Сверим часы. Так... Через час мы снимаемся.

Николай подскочил к Горлову:

— Уходим?

— Да, через фронт. С боем. Ждать мы не имеем права. — И, положив руку на Колину голову: — Будешь рядом со мной — не отставай и не торопись, когда войдём в прорыв...

А через час загрохотало по всей линии фронта, которая виднелась впереди. Били по немецким позициям пушки, танки, миномёты. И когда взвилась красная ракета, поднялся из окопов и бросился на фашистские укрепления армейский полк.

И только следом за ним, сомкнувшись вплот-

ную — человек тридцать в ряд — колонну, двинулась особая бригада.

Коля бежал рядом с Горловым, оглядываясь по сторонам. Слева и справа вспыхивали и исчезали сполохи огня и неслась непрерывная стрельба. Это фронтовой полк расчищал и расчищал путь бригаде.

Получались ворота, отметил про себя Колька. Будто два сильных человека слева и справа подперли своими плечами створки дверей и так держали их распахнутыми настежь, чтобы в пролом, в брешь без единой потери прошла вся бригада.

Фашисты заметили уловку. Колька услышал, как с тяжёлым шелестом пронеслось что-то над головой и сразу раздался оглушительный взрыв.

— Накрывает артиллерия! — крикнул кто-то в колонне.

Тут же раздался голос Горлова:

— А ну подтянись! Даёшь, особая!

И майор бросился вперёд, увлекая за собой бригаду, выводя её из-под обстрела.

Колька сжал в руках автомат и, стараясь в темноте не потерять, не выпустить из виду широкую спину командира, зашепшил следом. Бежать было трудно: под ногами частые воронки, колья с разорванной колючей проволокой. Это была немецкая линия обороны, разбитая нашим огневым валом.

Перепрыгивая через окоп, Колька оступился и больно ударился коленом. Но его тотчас подхватили руки Горлова и Ряшина.

— Давай-давай! До леса — пятьдесят метров.

Коля уже видел этот лес — чёрный в темени

ночи, издали похожий на высоченный забор. Быстрее, быстрее к нему, под его защиту!..

Со всех сторон ухало и стрекотало, сверкало ослепительными вспышками. И, прерывая грохот боя, несло дружное:

— Даёшь!..

И наши, и немецкие окопы — все сплошь были в огне. Вокруг грохотало, ухало и, казалось, сама земля раскалывалась.

Коля, когда пробежал через «ворота», видел, с каким трудом удерживали красноармейцы проход. Многие из них падали, сражённые пулями и осколками снарядов, но подбегали другие и занимали их место. Никто не думал о себе. Все думали только о том, чтобы быстрее бригада особого назначения перешла линию фронта. Чтобы она успела оказать помощь Дедкову!

НЕ ПРОСТО ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Серёга Вавилов упросил Журковича, чтобы его тоже послали встречать особую бригаду.

В Дедкове уже знали: бойцы Горлова прорвались через фронт и с ходу разгромили фашистов в Старых Рубчах, где размещался их главный штаб. А тут поднажали и партизаны. Немцы хотели окружить город, а сами попали под удар с двух сторон. В панике они стали отходить.

Калачёв приказал: выслать вперёд дозоры и встретить бригаду. Беспокоились партизаны — не заблудились бы москвичи, не натолкнулись бы на фашистские засады.

Серёга и дядя Егор вышли на опушку из сосно-

вого леса. Впереди, примерно в километре, виднелся мысок дубовой рощи. А между опушкой и этой рощицей лежало поле, заросшее сорной травой.

Солнце уже выкатилось из-за леса, и теперь, после прохладной ночи, проведённой в дозоре без сна, можно было немного отдохнуть.

Пригревало, и Серёгина одежда, промокшая от ночной росы, быстро высыхала. Он потёр тыльную сторону ладони, на которой мелкой сеточкой отпечатались травинки, и, улыбаясь, огляделся. С поля поднялись жаворонки и взмыли высоко-высоко, разливая drobные трели.

— Погодка — на заказ! — сощурился дядя Егор. — Вот что, Сергей, сиди-ка здесь, а я перейду в другое место. Лес велик, кто знает, откуда покажется бригада...

Оставшись один, Серёга снял телогрейку, растегнул воротник рубашки. Не удалось ему в эти дни как следует повоевать. Журкович ни на шаг не отпускал от себя Серёгу. Конечно, они тоже стреляли в фашистов, когда те шли в атаку. Но это что... Вот когда сами партизаны поднялись на немец — тут другое дело! Но Журкович в этот момент взял да услад Серёгу в штаб, к Калачёву. С доношением, конечно, послал. Только Серёга-то понимал: не хотел пустить его Никифор Евдокимович в самое пекло.

Ничего! Вот подойдёт особая бригада, примут они Серёгу к себе в разведку. Все бойцы в ней москвичи, а он — местный, знает каждую тропку вокруг. Где найдёшь лучше разведчика?

Повернулся Серёга на другой бок и замер: зашуршало рядом в кустах и два пушистых комочка выкатились на опушку.

— Зайцы! — ахнул Серёга. — Надо же! Война кругом, а в лесу живность водится. Вот пострелята... Видно, молодняк.

Два пушистых пегих зайчонка бросились в поле. Отмахали метров, наверное, сорок, присели, осторожно вытянув уши. И снова пустились по полю. Но сделали всего несколько прыжков, как разнёсся гулкий взрыв и, словно чёрный куст, поднялась над полем густая пыль.

Серёга прижался к земле. Неужели снова объявились немцы и бьют из орудий?

Он беспокожно осмотрелся. Всё оставалось по-прежнему — тихий, свой лес за его спиной и мирная рощица напротив.

«Э, да поле, наверное, заминировано», — подумал Серёга.

Он поднял автомат и пустил длинный росчерк пуль рядом с тем лесом, где скакали зайцы, и чуть вперёд, по направлению к рощице. Один за другим ударили два новых взрыва.

«Точно, — решил Серёга. — Противопехотные, лёгкие мины, если взорвались даже под зайчишками. А может быть, и проржавевшие противотанковые. Наверняка ещё с той поры, когда здесь проходил фронт. Эх, знать бы об этом поле дня два назад — загнали бы сюда фрицев!»

Серёга представил, как подрывается на минном поле фашист за фашистом. Но мысли его внезапно оборвались. Показалось, из рощи вышел человек. За ним — второй, третий... Нет, не пригрезилось — люди!

...Коля гордился, что шагает рядом с Горловым. И в бою у Старых Рубчей тоже был рядом. И вместе с майором первый раз в жизни стрелял

из пистолета, когда увидел бегущих через дорогу фашистов.

Это здорово — быть рядом с командиром!

Лишь иногда смущает Колю, что не часто удаётся с майором поговорить. На привалах тот рассматривает карту, отдаёт приказания. Даже на марше глянет на Колю, тихо улыбнётся и лишь вздохнёт.

«Обузой, наверное, меня считает», — опускает в этих случаях Коля глаза.

Только не думает так Горлов о Николае. Наоборот, очень хорошо ему оттого, что с ним — сын Матрёнина. Свою десятилетнюю дочь Лиду он уже не увидит, не улыбнётся ей. В самый первый день войны фашисты расстреляли и жену и дочь Горлова...

Когда-нибудь об этом узнает Коля. Но не теперь. У него своя незажившая рана.

Коля набирается храбрости:

— Товарищ командир, вы где остановитесь в Дедкове, где будете жить?

Положил Горлов руку на Колино плечо — так стало хорошо!

— Думаю, места в городе хватит. А ты как считаешь?

— Живите у нас! Я вас никуда не отпущу... — И краснеет. — Правда, я уже Ряшина и Зайкина пригласил. Так это же удобно: радист и рация всегда при вас.

Смеётся Горлов:

— Вижу, целый штаб решил у себя расквартировать? Что ж, посмотрим. Вот дойдём...

Подбегает связной:

— Товарищ командир, на той стороне поля — человек.

Горлов подносит к глазам бинокль:

— Кажется, свой, партизан... Передайте по цепи: залечь... Разведчиков ко мне.

Через поле к Сергею шли девять человек.

Солнце, слепившее глаза, мешало разглядеть их форму. Но это были не партизаны. Выделялись островерхие пилотки. И в первый момент Серёга даже обрадовался: вот он только подумал о немцах, а они и в самом деле сами прут на минное поле. Идут себе и не подозревают, что впереди — смерть.

Но Серёга думал так до тех пор, пока люди двигались строем, один за другим. Когда же они рассыпались цепью и, подняв автоматы, стали призывно крутить у себя над головами, Серёгу обожгла страшная догадка: «Наши! Это особая бригада!»

Что-то надо было предпринимать. Серёга тоже поднял вверх свой ППП и стал описывать над головой круги. И крикнул что есть силы:

— Мины! В поле ми-ны!..

Идущие навстречу тоже что-то выкрикнули. Но поскольку Серёга слов не разобрал, он понял, что до красноармейцев не дошло его предостережение.

Тогда он дал вверх короткую, предупреждающую очередь. Но красноармейцы, приняв его выстрелы за приветствие, тоже отсалютовали из автоматов и ускорили шаги.

Серёга, наконец, скрестил над головой руки:

— Нельзя! Впереди ми-ны!

Красноармейцы приближались.

Теперь уже можно было разглядеть каждого. В самом центре — среднего роста, худощавый. Слева от него — совсем щупленький, похожий на мальчишку. С правого края — полный, огромный, как медведь: идёт перевалочку...

На Серёгином лбу выступила испарина... А может быть, мин нет? Красноармейцы прошли уже половину поля... Прошли — и живы... Может быть, те, что взорвались, единственные? Пусть подойдут поближе, тогда можно громче крикнуть, повернуть назад, вызвать сапёров... Но нет, этого нельзя допустить, нельзя, чтобы они шли и шли вот так на глазах, когда впереди — смерть!

Серёга пробегает по полю метров десять.

«Надо ещё немного пройти. Ещё чуть-чуть, чтобы сблизиться, — успокаивает себя Сергей. — Всего несколько шагов до того места, где были зайцы. До того места...»

Он идёт, стараясь не смотреть под ноги. Стараясь всё время смотреть на тех, кто идёт впереди.

Серёге жарко. Со лба течёт. Горячо стало за воротом, под мышками. Он опускает руку в карман пиджака, чтобы вытащить платок и утереться. Но вместо платка в руке оказывается берёзовая, утыканная цифрами спиралька.

«Эх, вот что я забыл сделать — шифр разгадать! — И тут же, как это бывает с людьми в мгновения самого крайнего душевного напряжения, его осеняет догадка: — Да это же и не шифр вовсе! Наверняка Колян отпечатал берёсту! Точно! Он в типографии газету выпускал? Выпускал.

И нашли мы берёсту там, где они с корреспондентом бой вели! Точно, точно, Колянова берёста! И как это я сразу не сообразил... Погоди, погоди! А не сам ли Колян идёт? Вон там, рядом с худощавым? Всё может быть — Колька ведь в Москве, а бригада — московская...»

Сергей проводит сухим, шершавым языком по верхней, тоже сухой и горячей губе.

— Ко-лян! — пробует он проверить свою догадку. — Колян! Ма-трё-нин!..

Нет, этого не может быть. Это ему показалось — красноармеец с мальчишеской фигурой прибавляет шаг и, сорвав на ходу пилотку, подбрасывает её в воздух.

Серёга снимает пиджак и, прижав автомат к плечу, строчит в воздух.

— Стой! Стой, дурни! — кричит он и не замечает, как переходит на бег.

«Мне всё равно — Колька или не Колька. Мне всё равно, — говорит себе на ходу Сергей. — Я должен успеть. Я должен первым успеть!»

И он, размахивая и размахивая автоматом, бежит и бежит вперёд. Бежит, тяжело дыша, ни разу не взглянув под ноги, ни разу не оторвав взгляда от тех, кого он должен предупредить, остановить и спасти.

Он бежит и бежит до тех пор, пока над ним, заставляя всех замереть на месте, не вырастает обволакивающий всё вокруг удушливым дымом чёрный высокий куст...

И Горлов, и Коля, и все остальные, бегущие по полю, останавливаются.

Но не успевает ещё осесть облако, раздаётся команда:

— Врача и носилки!.. Сапёров — вперёд!..

Коля шёл рядом с носилками, которые плавно покачивались на плечах двух бойцов.

Он старался не глядеть на них. Потому что каждый раз, когда он всё-таки скашивал глаза в сторону носилок, у него щипало веки. Вот так, наверное, несли на плащ-палатке его отца — комиссара Матрёнина.

Лес редел. Сосны отступали назад, открывая впереди улицы и красный флаг над райсоветом.

До дома оставалось несколько сот шагов. Это Коля знал точно. А до Победы — ещё целых три года.

Но об этом тогда не знал никто.

Не знали ни те, кто делал по земле свой последний шаг, ни те, кому довелось дойти до Берлина.

Люди знали тогда твёрдо одно: «Сегодня, вот сейчас надо сделать всё, что я смогу».

И у каждого из них была своя Победа на той великой войне...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	3
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	99

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Юрий Иванович Когинев

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА

ИБ № 5207

Ответственный редактор *Р. Н. Ефремова*. Художественный редактор *Г. М. Токарева*. Технический редактор *М. В. Газарина*. Корректоры *Э. Н. Сизова* и *Е. И. Щербакова*. Сдано в набор 20.08.80. Подписано к печати 20.02.81. Формат 60×84¹/₁₆. Вум. типогр. № 2. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,88. Усл. кр. отт. 10,73. Уч.-изд. л. 6,53. Тираж 100 000 экз. Заказ № 867. Цена 85 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Когинев Ю. И.

Берестяная грамота: Повесть/Рис. В. Самойлова. — Переизд. — М.: Дет. лит., 1981. — 160 с., ил.

В пер.: 35 к.

Повесть о героической борьбе брянских партизан в годы Великой Отечественной войны.

К 70802—267
М101(03)81 188—81

P2

